

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ГРОМКОЕ ДЕЛО

«Королева
скандинавского
криминального
романа».

Хеннинг
Манкель

ЛИЗА

МАРКЛУНД

Продано более
15 000 000
экземпляров,
переведено
на 30 языков мира

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Анника Бенгтзон

Лиза Марклунд

Громкое дело

«Центрполиграф»

2011

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Марклунд Л.

Громкое дело / Л. Марклунд — «Центрполиграф»,
2011 — (Анника Бенгтзон)

ISBN 978-5-227-06556-8

В разгар шведской зимы молодая мать найдена убитой в сугробе среди деревьев за детским садом, куда утром отвела сына... Почти на экваторе, в изнуряющей жаре Кении, похищен правительственный чиновник... По роду деятельности журналист Анника Бенгтзон не впервые сталкивается с запутанными преступлениями, порожденными самыми темными сторонами человеческой души. На ее счету несколько криминальных драм, в расследовании которых пришлось принимать участие. И все-таки в этот раз все складывается совсем иначе. Гораздо страшнее и мучительнее. Ведь дело не только громкое, но и глубоко личное.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-06556-8

© Марклунд Л., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

День 0	6
День 1	8
День 2	26
День 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лиза Марклунд

Громкое дело

LIZA MARKLUND

DU GAMLA,

DU FRIA

roman

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Published by agreement with Salomonsson Agency

Пер. со швед. И. Петрова

Copyright © Liza Marklund 2011

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

День 0

Вторник 22 ноября

Ни о каком страхе с моей стороны и речи не шло. Шлагбаум ничем не отличался от всех других, которые мы проезжали, ржавые масляные бочки с обеих сторон колеи (честно говоря, у меня язык не поворачивался назвать это дорогой), ствол дерева, более или менее освобожденный от веток, несколько мужчин с обшарпанным автоматическим оружием.

Вроде никаких причин для беспокойства. И все равно я почувствовал, как Катерина прижала свою ногу к моей. Ощущение, пробравшись сквозь мышцы до нервных окончаний, явственно дало знать о себе. Вряд ли она сделала это осознанно, и я никак не среагировал, лишь скосил взгляд на соседку и улыбнулся ободряюще.

Она выглядела заинтересованной, ждала, чем я отвечу.

Али, наш водитель, опустил стекло со своей стороны и высунулся наружу с нашей «охранной грамотой» в руке. Он сидел впереди меня, машина была с правым рулем, изготовленная для езды по дорогам Содружества Наций. Горячий ветер, насыщенный частицами превращенной жарой в пыль почвы, прорвался внутрь и закружился по салону. Я смотрел на пейзаж за окном: низкие кусты шиповника, оцетинившиеся колючками акации, выжженная земля и небо без границ. Подъехал другой «лендкрузер» и встал с левой стороны от нас, делопроизводительница-немка помахала нам рукой через стекло. Но все сделали вид, что не заметили ее.

Зачем отправлять канцелярскую крысу в такую поездку? Мы не раз задавались этим вопросом.

Я посмотрел на часы, они показывали 13.23. Мы уже опаздывали, но не слишком сильно. Румынский делегат сделал массу фотографий, а Катерина уже отправила краткий отчет на конференцию. И пожалуй, я знал почему. Она не хотела сидеть и писать сегодня вечером. Надеялась увильнуть от официального ужина и уединиться со мной. Она пока не спрашивала меня, но я-то знал об этом.

Сейчас она наклонилась ко мне, стараясь сделать это незаметно.

– Томас, – прошептала она на королевском английском, – что происходит?

Водитель открыл свою дверь и вышел на красную землю. Люди с автоматами окружили машину. Один из них открыл дверь переднего пассажирского сиденья, сказал что-то громко, командным тоном переводчику, и наш молодой худощавый толмач поднял руки над головой и тоже шагнул наружу, а я услышал, как кто-то из сидевших сзади охранников передернул затвор своего оружия. Этот звук резанул по моим ушам. И тогда впервые мне стало немного не по себе.

– Нет никакой опасности, – сказал я, стараясь говорить спокойно. – Али разберется.

Открылась также задняя дверь с левой стороны машины. Французский делегат Магури, сидевший около нее, демонстративно вздохнул и тоже вышел наружу. Сухой горячий воздух уничтожил остатки приятной прохлады, ранее сохранявшейся в салоне благодаря кондиционеру, красная пыль сразу же вуалью накрыла кожаную обивку.

– В чем дело? – спросил француз гнусавым голосом. Судя по тону, он явно был раздражен.

Высокий мужчина с прямым носом и высокими скулами встал напротив моей двери и уставился на меня. Его черное лицо оказалось очень близко к моему. Один его глаз налился кровью, словно он недавно получил удар. Мужчина вскинул автомат и постучал дулом по оконному стеклу. Пространство позади него было белым, воздух дрожал от жары.

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

– Что нам делать? – прошептала Катерина. – Чего они хотят?

На мгновение воображение нарисовало мне Аннику, ее большие глаза, длинные, спадающие на плечи волосы.

– Держи себя в руках, – сказал я. – Не волнуйся. Делай, как они говорят, и все будет отлично.

Высокий открыл дверь машины с моей стороны.

День 1 Среда 23 ноября

Женщина лежала под слоем снега на холме в лесу, в двадцати метрах за детским садом. Один ее сапог торчал наружу, как отломанная ветка дерева или, возможно, вывернутый из земли корень. Лыжник, бежавший по тропинке, явно заподозрил неладное именно там, если судить по отметинам от его палок, утратившим равномерность. Какие-либо другие следы вокруг отсутствовали.

Тело вполне можно было принять за камень, муравейник или мешок с прошлогодними листьями. Или даже за белого, одетого в блестящий и мягкий мех тюленя, развалившегося среди низкого кустарника. Если бы не сапог. Он был коричневый и на шпильке, кристаллики забившегося за отворот снега слабо поблескивали в сумеречном свете.

– Тебе не место здесь.

Анника Бенгтзон не обратила внимания на полицейского, который, тяжело переводя дух, подошел к ней сзади. Она пробралась к месту страшной находки по тропинке, идущей позади Селмедалсвеген, мимо заброшенного футбольного поля, а потом поднялась на холм, в молодой лесок. Ее ботинки были полны тающего снега, и она чувствовала, что ноги вот-вот промерзнут до костей.

– Я не видела никаких ограждений, – сказала она, не сводя взгляд с трупа.

– Это место преступления, – сообщил страж порядка, явно стараясь говорить более низким, чем обычно, голосом. – Я должен попросить тебя удалиться отсюда немедленно.

Анника сделала две фотографии камерой своего мобильного телефона и подняла глаза на собеседника. У него еще молоко на губах не обсохло.

– Сенсационно, – сказала она. – Ее еще толком и снегом не засыпало, и у тебя уже есть предварительная причина смерти? От чего она умерла?

Глаза полицейского сузились.

– Откуда ты знаешь, что это женщина?

Анника снова взглянула на тело.

– Трансвеститы, конечно, обожают высокие каблуки, но редко носят обувь размера... Как по-твоему? 36-го? 37-го?

Она опустила мобильный в сумку, где он составил компанию множеству ручек, варежкам, карте памяти и записной книжке. Коллега молодого полицейского, тяжело дыша, поднялся на холм с рулоном оградительной ленты в кулаке.

– О ее исчезновении кто-то заявлял? – спросила Анника.

– Чертовщина какая-то, – буркнул полицейский.

– Ты о чем? – уточнила Анника.

– Из полицейского центра управления звонят в вечерние газеты раньше, чем передают сигнал тревоги патрульным машинам. Давай-ка иди отсюда.

Анника вскинула сумку на плечо, повернулась спиной к убитой и стала спускаться к футбольному полю.

Уже несколько месяцев в Швеции действовала новая цифровая система радиосвязи для полиции, пожарных и скорой помощи РАКЕЛ, которую не могли слушать посторонние. В результате все гражданские информаторы, чьих ушей раньше порой достигала не предназначенная им информация, сейчас остались без работы. Однако эту братию с энтузиазмом заменил персонал полицейских центров управления ленов, который теперь за дополнительную плату стал извещать средства массовой информации о тяжких насильственных и прочих серьезных преступлениях, случавшихся на их территории.

Анника дошла до опушки леса, остановилась и огляделась.

Коричнево-серые девятиэтажки, расположенные ниже того места, где она стояла, неясными очертаниями проглядывали сквозь пелену морозного тумана. Черные ветки леса отражались в блестящих окнах. Сии творения архитектурной мысли построили, скорее всего, в самом начале «Миллионной программы», но их фасады вопреки всему все еще выглядели вполне прилично, словно по-прежнему существовали амбиции сделать такое жилье привлекательным для людей.

Ее пальцы уже ничего не чувствовали. День клонился к вечеру. Между бетонными колоссами гулял ветер, во всяком случае, такое у нее создалось впечатление.

Аксельберг. Район многоквартирных домов, не имеющий официальных границ и получивший название по станции метро.

«Мертвое тело за детским садом в Аксельберге, вряд ли пролежало там долго». Так звучало сообщение, которое ей поступило.

Анника возвращалась от магазина ИКЕА в торговом центре «Кунгенс Курва», когда ей позвонили из редакции, и она повернула на автострате через четыре полосы и съехала с дороги у станции метро «Мелархёйден». И на самом деле оказалась на месте за полминуты до первой патрульной машины.

А сейчас отправила со своего мобильного выпускающему редактору две фотографии. В первых, общий снимок места находки, а во-вторых, сапога с близкого расстояния.

Само по себе мертвое тело вовсе не означало преступления. Все подозрительные случаи смерти полиция расследовала в официальном порядке, и зачастую оказывалось, что она имела естественный характер или речь шла о несчастных случаях или самоубийстве.

Однако, как догадывалась Анника, в данном случае все обстояло иначе.

Найденную сейчас женщину явно не инфаркт застал во время пробежки, по крайней мере если судить по обуви. Да и она, как ни говори, не стала бы бегать по кустам в стороне от тропинки.

И едва ли поскользнулась и упала – только не на таком же расстоянии от дороги и не прямо в кусты.

Их источник информации не ошибся. Женщина уж точно не могла лежать там особенно долго, пусть и была присыпана снегом.

Он ведь пошел только вчера поздно вечером, примерно в половине одиннадцатого его острые ледяные кристаллики застучали по окнам и как иголками стали колоть лица тех, кому, подобно ей, пришлось в такую пору прогуляться за молоком.

А утром снег усилился, из-за чего институт гидрологии и метеорологии объявил предупреждение второго класса: «Метеоусловия могут стать причиной перебоев в работе социальных служб и создать опасные ситуации».

Но час спустя снегопад внезапно прекратился.

Покойная не могла пролежать там всю ночь, тогда ее нога тоже оказалась бы под снегом.

«Она попала туда утром, – подумала Анника. – А что делает одинокая женщина в сапогах на шпильке на тропинке за детским садом в восемь утра?»

Анника повернула направо и пошла вниз по улице.

На Селмедалсвеген находились не один, а целых два детских сада, стоявшие рядом друг с другом, муниципальный и частный. Три припаркованных по соседству патрульных автомобиля с вращающимися мигалками на крышах извергали облако выхлопных газов, заполнившее всю их территорию со стороны дороги и уже добравшееся до дверей. Но с этим ничего нельзя было поделать, ведь стоило водителям выключить моторы при работающих проблесковых маячках, они посадили бы аккумуляторы. Не раз ведь случалось, что охота за преступником не могла начаться, поскольку у стражей порядка не заводились машины.

Несколько родителей, две матери и один отец, прибывшие в частное учреждение, созерцали происходящее с широко открытыми от возрастающего беспокойства глазами, в которых застыл немой вопрос. Что случилось? Не в их ли садике?

Анника расположилась за одним из полицейских автомобилей и ждала, когда они пройдут. Мужчина взял командование на себя и направился прямо к стажеру полиции, поставленному на холоде с приказом не пропускать журналистов и любопытных.

В лесу нашли мертвого человека. Вот в принципе и все, что тот сообщил. Нет, не во дворе детского сада, а на холме... Нет, вряд ли кто-то из детей успел увидеть тело... Нет, причина смерти остается в настоящий момент неизвестной, и ничто не указывает на какую-либо связь между ней и детским садом...

Родители перевели дух и поспешили к своим чадам, явно обрадованные, что смерть и в этот раз стала горем и проблемой кого-то другого.

Анника подошла к стажеру.

– Бенгтзон, – представилась она, – из «Квельспрессен». В какой из садиков она водила своих детей?

Стажер скосился в сторону муниципального учреждения.

– Своего, – ответил он. – Своего ребенка. У нее был только один ребенок, насколько я понял. Мальчик.

Анника отследила его взгляд. Красная звезда из картонки светила в окне около входа. Вырезанные из белой бумаги и намертво приклеенные к стеклу снежинки составляли ей компанию.

– Ее коллеги подняли тревогу, не так ли? Она не пришла сегодня утром?

Стажер покачал головой.

– Сосед, – сказал он и сделал шаг назад. – Но об этом ты должна поговорить с полицейским центром управления или с начальством. Я, собственно, ничего не знаю.

У Анники стало очень тяжело на душе, она подумала, что никогда не привыкнет к подобному.

Молодая мама с маленькими ножками, обутыми в сапоги на высоких каблуках, оставляет своего ребенка в детском саду и умирает на тропинке по пути домой в снежную бурю.

Только сейчас Анника заметила, что ее трясет от холода. Картонная звезда медленно покачивалась в окне напротив. По Селмедалсвеген проехал велосипедист.

Анника порылась в сумке, нашла мобильник, сделала фотографию здания детского сада, коротко кивнула полицейскому стажеру и направилась к издательскому автомобилю.

Температура прилично упала после того, как снегопад прекратился. Выдыхаемый Анникой воздух замерзал, превращаясь в кристаллики льда на внутренней стороне ветрового стекла. Ей пришлось несколько минут подождать с включенным на максимум стеклообогревателем, прежде чем удалось двинуться в путь. Тем временем она расшнуровала обувь и энергично пошевелила пальцами левой ноги, чтобы оживить их.

Эллен и Калле уже сами пришли домой из группы продленного дня, чему не стоило особенно удивляться, как бы возмутительно подобное ни звучало. Им всего-то требовалось перейти Хантверкаргатан, и, помимо прочего, именно по этой причине они не особенно старались найти новое жилье, пусть их съемная трехкомнатная квартира и была слишком тесной.

Машины ползли с черепашьей скоростью, Анника отпустила сцепление, и ее автомобиль несколько метров, как на лыжах, скользил среди сугробов.

Даже Эссингеледен не удосужились очистить. И она не знала, связаны ли снежные завалы на автостраде с изменениями климата или стали результатом новой муниципальной политики правых.

Анника вздохнула и достала свой личный мобильный телефон, отыскивала последний набранный номер и слушала треск в динамике, пока ее вызов пробивался через шторма и спутники. Подключение к линии произошло сразу же, без каких-либо промежуточных сигналов.

«Hello, you have reached Thomas Samuelsson at the Department of Justice...»¹

Раздраженная и чуточку смущенная, она отключилась. Ее муж не отвечал по своему мобильному с позавчерашнего вечера. Каждый раз, пытаясь дозвониться до него, она наталкивалась на автоответчик, сообщение на котором он упрямо сохранил на английском, хотя они приехали домой из Вашингтона четыре месяца назад. И потом это четко произнесенное нараспев и небрежным тоном «Department of Justice», боже...

Ее второй телефон, издательский, зазвонил на самом дне сумки. Анника неторопливо отыскивала его, поскольку стояла в пробке.

– Что за снимки ты прислала?

Патрик Нильссон, редактор бумажной версии, явно получил сделанные ею на тропинке фотографии.

– Мертвая мать маленького ребенка. Оставила сына в детском саду сегодня утром и непонятным образом умерла на пути домой. Я ставлю десятку на то, что она в разводе и папаша малыша прибил ее.

– Выглядит как вывернутый из земли корень. Как все прошло у Ингвара?

– Ингвара?

– Главы фирмы ИКЕА.

Ей пришлось покопаться в памяти, чтобы вспомнить задание, по которому ее послали изначально.

– Забудь.

– Ты уверена?

Патрик вбил себе в голову, что крыша магазина ИКЕА в торговом центре «Кунгенс Курва», самого крупного в мире, вот-вот рухнет из-за скопившегося на ней снега. Из этого, бесспорно, мог получиться хороший материал, если бы именно так все и обстояло. Однако в бюро информации ИКЕА на Аннику вытаращили глаза, когда она спросила относительно такой проблемы. По ее утверждению, ей пожаловались на это читатели, что в принципе не соответствовало истине. «Сигнал» родился тем же утром на встрече редакционного руководства и, скорее всего, в мозгу Патрика Нильссона. И ее отправили проверить, не могла ли действительность каким-то образом соответствовать потребностям «Квельспрессен». В итоге тамошний персонал позвонил техническому шефу в какой-то главный офис, и тот гарантировал по телефону, что крыша выдержит двадцать два метра снега. И это минимум.

– В общем, там все нормально, – сказала она лаконично.

– Да, но, черт побери, ты смогла подняться и проверить все лично?

– Само собой, – солгала она.

– И даже никаких трещин?

– Не-а.

Автомобили вокруг нее внезапно пришли в движение. Она включила первую скорость, колеса пробуксовали по снежной слякоти, и, прибавив газу, ей удалось поднять скорость до двадцати километров в час.

– Что мы будем делать с мертвой мамашей? – спросила она.

– С кем? С вывернутым корнем?

– Полицейские практически уверены, кто она такая, – еще днем сосед позвонил и заявил о ее исчезновении, но они, вероятно, сегодня не станут разглашать ее имя.

¹ «Здравствуй, вы позвонили Томасу Самуэльссону в министерство юстиции...» (англ.).

– И она, значит, лежала за детским садом? – спросил Патрик на сей раз с явными нотками интереса в голосе. – Ее нашел кто-то из деток?

– Нет, – ответила Анника и переключилась на вторую скорость. – Лыжник.

– Ты уверена? А может, чье-то чадо наехало на нее на санках? Рука тупа, наверное, вывалилась наружу и ухватилась за одно из полозьев?

– Я сейчас за рулем, – решила прекратить пустой разговор Анника. – Буду через четверть часа.

Она оставила машину на парковке у здания издательства и по лестницам спустилась в систему подземных коридоров. Раньше в редакцию можно было подняться четырьмя путями, но сейчас из-за угроз взрыва и самых разных психопатов все их заперли, за исключением одного. Единственным способом обойти охранника стало низом добраться из гаража до лифта, шахта которого находилась позади него. Конечно, Торе Брандта выгнали, когда обнаружили, что он продавал «левый» алкоголь в редакции по ночам, но неприятное ощущение от необходимости проходить вдоль длинной стойки охраны сидело у нее в крови, и она почти всегда выбирала путь через подвал.

Ей пришлось ждать лифт несколько минут. Поднимаясь, Анника почувствовала знакомый зуд в животе, каждый раз посещавший ее, когда она находилась на пути в редакцию, некое ощущение напряженного ожидания, готовности к тому, что тебя могут втянуть буквально в любую авантюру.

Анника сделала глубокий вдох, прежде чем шагнула на пятнистое ковровое покрытие.

Обстановка в офисе по меньшей мере пару раз поменялась за те три года, что она трудилась специальным корреспондентом в Вашингтоне, в соответствии с требованиями нового времени к производственной среде и организации рабочего места. Посередине располагался выпускающий редактор новостей, как притягивающий все внимание центр вселенной. Он клонировал себя, и сейчас вместо одного их стало трое. И двое отвечавших за бумажную и интернет-версии, которых ее любимая коллега Берит Хамрин называла «слоями с сыром», сидели спиной друг к другу и тарасились каждый в свой дисплей. Тогда как третий, имевший отношение и к Интернету, и к телевидению, примостился сбоку, там, где раньше находился факс. На дюжине огромных телевизионных экранов над их головой мелькали новостные программы самого разного свойства попеременно с мыльными операми, наполняя редакцию духом рынка и всевозможными анонсами. Раньше такие же экраны, но меньшего размера стояли между столами дневных репортеров. Сейчас от них не осталось и следа.

Стоило Аннике попасть сюда, и она становилась одинаково собранной и спокойной.

По сути, здесь все всегда оставалось тем же самым, только тесноты прибавлялось. Сотни люминесцентных ламп заливали помещение мерцающим голубым светом. Столы с горами бумаг. Склоненные над ними головы. Сопутствовавшая напряженной работе нервозность, из-за которой желаемое порой принималось за действительное, но которая в конечном счете все равно не мешала добиваться нужного результата.

Годы в Вашингтоне уже казались историей, рассказанной ей кем-то или некогда прочитанной в романе, или обрывком сна. Жизнь вернулась на круги своя. Как раз здесь она начала, подменяя отпускников, тринадцать лет назад, проверяла сигналы, была девочкой на побегушках и подручным на ниве новостей.

На Аннику навалилась усталость, казалось, время повернуло вспять, сейчас она занималась примерно таким же убийством женщины, как в ее первом деле, пусть и по приказу других шефов. Она вернулась и жила в том же самом квартале, пусть и в другой квартире. Действительность как бы убежала вперед, а она осталась где-то в прошлом.

– Ты ела? – спросила она Берит Хамрин, которая сидела на своем месте и сосредоточенно работала на ноутбуке.

– Перехватила бутерброд, – ответила та, не отрывая взгляда от экрана и быстро барабанила по клавиатуре.

Анника распаковала свой компьютер. Даже механические движения остались теми же самыми: сунуть вилку в розетку, поднять экран, включить машину, войти в Сеть. У Берит появились седые волосы, и она поменяла очки, в остальном мир мог крутиться вокруг нее с таким же успехом, как и в ту пору, когда ей было двадцать четыре года. Именно тогда жарким летом молодую женщину нашли мертвой за надгробием на кладбище. Сейчас стояла холодная зима и женщины лежали в лесу за детским садом. Или на парковочной площадке. Или на улицах среди вилл, или...

Анника наморщила лоб.

– Послушай, – окликнула она Берит, – осенью не случилось убийств женщин в Стокгольме? Вне дома?

– Не больше чем обычно, по-моему, – ответила та.

Анника вошла на mediearkivet.se, платный сайт, куда большая часть средств массовой информации Стокгольма складывала опубликованные у них статьи и прочие материалы. Забила в поисковик «женщина убитая стокгольм» после 1 августа того же года и получила несколько попаданий. Однако речь шла не о полноценных статьях, а о заметках, прежде всего из «Моргонтиднинген».

В конце августа на парковочной площадке в Фисксертэ около Стокгольма нашли мертвую женщину пятидесяти четырех лет. С ножевыми ранениями в спину. Ее муж ранее заработал небольшой тюремный срок за то, что избивал ее и угрожал ей. Его задержали за это убийство, но потом отпустили ввиду отсутствия доказательств. Поскольку супруга забрали сразу, данное событие не вышло за рамки короткой новости в разделе происшествий в Стокгольмском регионе. Его представили как семейную трагедию.

В той же рубрике она обнаружила следующую заметку, опубликованную неделю спустя. Девятнадцатилетнюю иммигрантку убили на популярном пляже на озере Улна в Арнинге, к северу от столицы. Смерть наступила в результате многочисленных ножевых ранений. Ее жениха, приходившегося ей кузеном, арестовали по обвинению в данном преступлении. Однако он отрицал свою причастность.

В середине октября тридцатисемилетнюю женщину, мать троих детей, нашли зарезанной на улице в Хессельбю. По подозрению в этом душегубстве задержали ее бывшего мужа. Арестовали его, в конце концов выпустили или приговорили, было из материала неясно.

Кроме того, некое количество убийств или насилия со смертельным исходом имело место в других концах страны, но заметки о них оказались еще короче.

– Послушай, Анника, – сказал Патрик, горой выросший сбоку от нее. – Ты не могла бы проверить один пожар в Соллентуне? Опять началась та же история – бабы перебарщивают с рождественскими подсвечниками. Сделай обзор о том, как плохо шведы умеют использовать огнетушители и не меняют батарейки в пожарных датчиках, может получится дьявольски хороший потребительский материал для всех и каждого. Тогда тебе не придется освещать пожары...

– У меня мертвая мамаша около детского сада, – ответила Анника.

Патрик моргнул недоуменно.

– Но там же ерунда, – пробормотал он.

– Четвертое убийство после моего возвращения, – сказала она и повернула к нему компьютер. – Все женщины, все из Стокгольма, все зарезаны. Подумай, а вдруг ты что-то упустил? Вдруг у нас действует серийный убийца?

Шеф редакции новостей явно смутился.

– Ты так считаешь? Как она умерла? Где это было, в Бреденге?

– В Аксельберге. Ты же видел снимки, что сам думаешь?

Патрик оглядел редакцию и вытащил из памяти фотографию с вывернутым корнем. Пока он видел только кучу снега. Его взгляд прояснился.

– Серийный убийца? – ухмыльнулся он. – Пустые мечты!

Потом повернулся на каблуках и отправился со своими пожарами к какому-то другому репортеру.

– Так это тебе подкинули, – сказала Берит. – Мать маленького ребенка? Развод? Ей угрожали, но никто не воспринял ее заявление всерьез?

– Вероятно, – согласилась Анника. – Полиция еще не обнародовала ее имени.

Без имени не могло быть и речи о том, чтобы найти адрес женщины и ее соседа, и тем более о какой-то истории, если несчастную и в самом деле убили.

– Что-то интересное? – спросила Анника и кивнула на текст Берит, одновременно вылавливая из сумки апельсин.

– Ты помнишь Алена Тери? О нем еще писали прошлой осенью.

Анника порылась в памяти. Прошлой осенью она была поглощена «Движением чаепития» и выборами в американский конгресс. Покачала головой.

– Французский бизнесмен, взорвавшийся на своей яхте около Пуэрто-Бануса, – сказала Берит и посмотрела на нее поверх очков.

Анника задумалась.

Пуэрто-Банус, белые лодки и синее море, именно там она сошлась с Томасом снова, в комнате рядом с автострадой в отеле «Пир». Она занималась отравлением газом семейства Сёдерстрём, а Томас в ту пору жил вместе с Софией Гренборг, но находился в Малаге на конференции и там изменил своей новой подруге с Анникой.

– На «ютюбе» еще выложили фильм, – продолжила Берит, – подтверждавший, что Ален Тери являлся самым крупным работником в Европе. Вся его бизнес-империя служила лишь фасадом для контрабанды африканских молодых людей в Европу и их эксплуатации до смерти, при необходимости.

– Звучит как клевета на покойного, – сказала Анника, бросила кожуру от апельсина в корзину для бумаг и отломала себе дольку. Она оказалась кислой, как лимонная кислота.

– Согласно «ютюбу», сейчас в мире больше рабов, чем когда-либо, и они никогда не были столь дешевыми.

– Томас придерживается того же мнения, – кивнула Анника, скривилась и взяла новую дольку.

– «Фронтекс»², – буркнула Берит.

Анника отправила остатки апельсина вслед за кожей.

– Точно. «Фронтекс».

Томас и его странная работа.

– Мне кажется, это опасно, – сказала Берит. – «Фронтекс» сам по себе – невероятно циничный эксперимент, новый железный занавес.

Анника вошла на свою страницу в «Фейсбуке» и проверила, какими новостями поделились ее коллеги.

– Цель, – продолжила Берит, – состоит в том, чтобы отрезать бедный мир от европейского изобилия. А при такой центральной организации местным правительствам удастся отвести от себя реки критики. Вышвыривая из своих стран людей, они просто могут ссылаться на «Фронтекс» и две свои руки, примерно как Понтий Пилат.

Анника улыбнулась ей.

– И ты еще в молодости входила в группы поддержки Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, – заметила она, не отрывая взгляда от экрана своего компьютера.

² «Фронтекс» – агентство Европейского союза по безопасности внешних границ (англ.).

Ева Бритт Квист собиралась в театр вечером, во всяком случае, если ей верить. Патрик перекусил фастфудом сорок три минуты назад, а Пелле Фотограф сделал коллаж из снимков, опубликованных в «Квельспрессен» летом 1975 года.

– Последняя затея «Фронтекса» сводится к попытке заставить страны третьего мира самих закрывать свои границы, – не сдавалась Берит. – Это же ужасно практично. Мы здесь первые, старый и свободный мир тогда целиком и полностью уходит от необходимости заниматься данным вопросом. Каддафи в Ливии получил полмиллиарда от нашего собственного посредника ЕС за то, чтобы удерживал беженцев из Сомали, Эритреи и Судана в огромных лагерях для интернированных лиц.

– Все так, – согласилась Анника. – Именно поэтому Томас сейчас в Найроби. Они хотят, чтобы кенийцы закрыли на замок их собственную границу с Сомали.

Она взяла свой личный мобильник и снова набрала номер Томаса.

– А ты разве не получила новый телефон? – поинтересовалась Берит.

– Ну да, получила, – ответила Анника.

«Hello, you have reached Thomas Samuelsson at...»

Она отключилась, попыталась определиться со своими чувствами. Вопрос состоял в том, с кем он спал вечером. Анника больше не испытывала обиды при этой мысли, что ее место заняло некое ощущение дискомфорта, пусть она и привыкла к такому порядку вещей.

Когда все семейство летом вернулось в Швецию, Томас получил должность научного секретаря в Управлении по вопросам миграции. Не слишком гламурную по своей сути. Поэтому он ходил с кислой миной. В его понимании после нескольких лет в Вашингтоне он заслужил что-нибудь более приличное. Пожалуй, его утешала только мысль обо всех тех конференциях, которые ему следовало посещать.

Анника постаралась избавиться от неприятных дум и позвонила в прокуратуру, занимавшуюся преступлениями, совершенными в коммуне Нака. Насколько она знала, их коммутатор отвечал круглосуточно.

Однако телефонистка не смогла подсказать ей, за кем из прокуроров числилось убийство, имевшее место в августе на парковке в Фисксетре.

– Мы в курсе лишь последних событий, – сказала она с сожалением. – Я могла бы соединить тебя с приемной, но они закрываются в пятнадцать ноль-ноль.

Итак, один шанс мимо.

Она набрала номер прокуратуры Норрорта и Вестерорта, но, кто занимался мертвыми женщинами на пляже в Арнинге и на улице в Хессельбю, там также не знали. (Зато всем были известны имена руководителей расследований дерзких преступлений, вроде сенсационного ограбления инкассаторской машины, осуществленного при помощи вертолета, или в отношении попавшихся на наркотиках звездах спорта.)

– Сейчас «Фронтекс» начал организовывать чартерные авиарейсы, – сказала Берит. – Из всей Европы собирают нелегальных иммигрантов и высаживают их в Лагосе или Улан-Баторе. Швеция отправляла людей таким образом несколько раз.

– По-моему, мне хватит на сегодня, – проворчала Анника.

Она выключила компьютер, упаковала его привычными движениями, сунула в сумку, поправила жакет и направилась к выходу.

– Послушай, Бенгтзон! – услышала Анника оклик охранника, когда уже почти вышла на улицу.

«Черт, – подумала она. – Ключи от машины».

А потом ей пришлось толкать вращающуюся дверь почти целый круг перед собой, прежде чем она снова вошла в вестибюль с натянутой улыбкой.

– Мне ужасно жаль, – сказала она и положила ключи от ТКГ-297 на стойку.

Однако охранник, новый парень, просто принял их, даже не отругав ее и не спросив, заправила ли она машину и заполнила ли журнал поездок (а она не сделала ни того ни другого).

– Шюман ищет тебя, – сообщил он взамен. – Сидит в «Лягушке» и жаждет, чтобы ты сразу же явилась туда.

Анника остановилась на полушаге.

– Зачем?

Охранник пожал плечами.

– Хочет изменить график работы в худшую сторону? – предположил он.

Анника кивнула одобрительно, парень явно не был безнадежным.

А потом направилась в конференц-зал.

«Почему его называют «Лягушкой»?» – подумала она.

Главный редактор сам открыл ей дверь.

– Привет, Анника, входи и садись.

– Меня переводят в Йончёпинг? – спросила она.

Трое серьезных мужчин в темных пальто поднялись, как только она шагнула внутрь. Они расположились вокруг маленького стола из светлой березы, свет галогенных ламп отражался в белой доске для рисования маркерами, висевшей на дальней стене, и ей даже пришлось зажмуриться.

– Что происходит? – спросила она, рефлекторно подняв руку с целью защитить глаза.

– Мы встречались раньше, – произнес ближний к ней мужчина и протянул вперед открытую правую ладонь.

Это был Джимми Халениус, шеф Томаса, статс-секретарь министерства юстиции. Она пожала ему руку, не найдя, что сказать.

– Это Ханс Эрик Свенссон и Ханс Уилкинсон, – продолжил он и показал на двух других мужчин в похожем наряде. Они даже не попытались подняться и поздороваться.

«Хассе плюс Хассе», – подумала Анника. Она напряглась в предчувствии плохих новостей.

– Анника, – сказал Андерс Шюман, – сядь.

Страх пришел ниоткуда и вцепился в нее когтями с такой силой, что у нее перехватило дыхание.

– В чем дело? – выдавила она из себя и осталась стоять. – Беда с Томасом? Что с ним?

Джимми Халениус на шаг приблизился к ней.

– Насколько нам известно, никакой опасности для него нет, – сказал он и перехватил ее взгляд.

Его глаза были голубыми как небо, Анника помнила их еще с прежней поры, когда-то это даже удивило ее.

«Интересно, у него линзы?» – подумала она.

– Ты же знаешь, что Томас на конференции «Фронтекс» в Найроби относительно расширения сотрудничества у границ в направлении Европы, – сказал статс-секретарь.

«Наш новый железный занавес, – подумала Анника. – Ох уж этот старый свободный мир».

– Томас принимал участие в конференции в Kenyatta International Conference Center в течение первых четырех дней. Вчера утром он оставил само собрание и в качестве шведского делегата отправился на рекогносцировку в Либой к границе с Сомали.

По какой-то причине воображение на мгновение нарисовало ей картинку засыпанного снегом тела позади детского сада в Аксельберге.

– Он мертв?

Одетые в темное мужчины за спиной Халениуса переглянулись.

– Ничто не указывает на это, – продолжил Джимми Халениус, пододвинул к ней стул и предложил сесть.

Она опустила на него и заметила, как парочка по имени Ханс обменялась взглядами.

– Кто они такие? – спросила Анника, кивнув в сторону мужчин.

– Анника, – сказал Халениус, – я хочу, чтобы ты внимательно выслушала меня.

Она обвела взглядом комнату в поисках пути бегства, но в ней не было никаких окон, только белая доска и древний кодоскоп в углу, под потолком тихо жужжал вентилятор. Стены были светло-зеленые, цвета, вошедшего в моду в девяностых годах прошлого столетия. С лимонным оттенком.

– Делегация состояла из семи представителей разных государств ЕС, которые на месте собирались ознакомиться с тем, как осуществляется охрана границы с Сомали, и доложить об этом на конференции. Проблема в том, что они исчезли.

У Анники резко подскочил пульс, эхом отдавшись в ушах. Коричневое голенище сапога с острым каблуком указывало прямо в небо.

– Они ехали на двух автомобилях марки «Тойота-Ленд-крузер-100», и ни о машинах, ни о делегатах ничего не слышно со вчерашнего дня...

Статс-секретарь замолчал.

– Ты о чем? – спросила Анника. – Что значит «исчезли»?

Он начал говорить, но она перебила его:

– В чем выражается «не слышно со вчерашнего дня»?

Анника резко встала. Стул опрокинулся позади нее. Джимми Халениус также встал, очень близко к ней. Его голубые глаза блестели.

– Устройство отслеживания одной из машин нашли в непосредственной близости от города Либой, – сказал он. – Вместе с переводчиком и одним из охранников делегации. И тот и другой были мертвы.

Пол начал уходить у Анники из-под ног, и она схватилась за березовый стол, стараясь не упасть.

– Это неправда, – сказала она.

– У нас нет никаких данных о том, что кто-то другой в группе пострадал.

– Здесь, вероятно, какая-то ошибка, – пробормотала она. – Они, скорее всего, заехали не туда. Вы уверены в своих данных, вдруг они просто заблудились?

– С тех пор минуло более суток. Такой вариант мы можем исключить.

Она сконцентрировалась на работе легких, постаралась не забывать дышать.

– Как они умерли? Охранник и переводчик.

Халениус несколько секунд изучал ее взглядом, прежде чем ответил:

– Их убили выстрелом в голову, с близкого расстояния.

Анника, покачиваясь, направилась к двери и взяла свою сумку, бросила ее на стол и принялась рыться в ней в поисках мобильного, любого из них, но не нашла ни один. Она вывалила содержимое сумки на березовую столешницу. Апельсин покатился по ней и, упав на пол, приземлился под кодоскопом. Наконец ей на глаза попался ее редакционный телефон, она схватила его дрожащими пальцами и набрала номер Томаса, сначала неправильно, а потом снова, и в результате произошло соединение, и шум с треском сменил знакомый голос:

«Hello, you have reached...»

Она уронила телефон на пол, он приземлился рядом с ее ногами и маленькой записной книжкой. Джимми Халениус наклонился и поднял его.

– Это неправда, – пробормотала Анника, не представляя, слышал ли это кто-то, кроме нее.

Статс-секретарь что-то сказал, но она не поняла. Его губы шевелились, и он взял ее выше локтя, но она отстранила его руку, они встречались несколько раз, но он не знал ничего о ней и, само собой, о ее отношениях с Томасом.

Андерс Шюман наклонился вперед и сказал что-то, опять не достигшее ее сознания.

– Оставьте меня в покое, – произнесла Анника так громко, что все посмотрели на нее, запахала свои вещи в сумку, за исключением маленькой записной книжки, поскольку та была ей абсолютно не нужна, в ней находились лишь записи от идиотского задания по ИКЕА, а потом пошла к двери, к выходу, к пути бегства.

– Анника. – Джимми Халениус попытался встать у нее на пути.

Она ударила его ладонью по лицу.

– Все из-за тебя! – выкрикнула она и почувствовала, что права – права целиком и полностью.

А потом она оставила конференц-зал «Лягушка».

Грузовик двигался медленно, в рваном ритме. Там, где мы ехали, не было никаких дорог. Колеса подскакивали на каменных глыбах и застревали в ямах, растения скреблись по шасси, ветки царапали покрытые тентом борта, мотор ревел, коробка передач скрипела. Язык опух и застревал у нёба. Мы не пили с утра. Голод давал знать о себе ноющей болью в желудке, кружилась голова. Я надеялся, что у других обоняние перестало функционировать одновременно с моим собственным, по крайней мере если говорить о Катерине.

Себастьян Магури наконец замолчал. Его нытье гнусавым голосом настолько достало меня, что я даже пожелал им избавиться от француза тоже. (Нет, нет, нет, о чем я говорю, у меня и мысли такой не возникало, ни в коем случае, пусть я с трудом выносил его и раньше. Достаточно об этом.)

Зато испанский парень, Алваро, вызывал у меня восхищение. Он сохранял ледяное спокойствие, ничего не говорил, лишь делал, как ему приказывали. Лежал плашмя в кузове – там, где тот дрожал и трясся больше всего, и не жаловался. Я надеялся, что другие думали точно так же, как я.

Сначала я пытался понять, в каком направлении нас везли. Солнце стояло в зените, когда нас загружали, или, возможно, немного с западной стороны, и сначала мы ехали на юг (и слава богу, ведь тогда мы все еще находились в Кении, а Кения – это нормально функционирующая страна, где есть карты и инфраструктура и мобильная связь, но через несколько часов, как я понял, они повернули на восток (что выглядело уже не лучшим образом, ведь тогда мы могли оказаться где-то в южных районах Сомали, то есть в том конце земли, где царят хаос и анархия с тех пор, как двадцать лет назад там началась гражданская война), хотя сегодня мы, по моим наблюдениям, почти наверняка ползли на север, а потом на запад, а это, пожалуй, означало, что мы возвращались примерно туда, где все началось. На мой взгляд, подобное выглядело маловероятным, но кто знает.

Они в первую очередь отобрали у нас часы и мобильные телефоны, однако уже довольно давно стемнело, и, выходит, прошло минимум тридцать часов с тех пор, как нас увезли. А значит, всех уже обязательно подняли на ноги. Мы же были официальной организацией, и помощь в какой-то форме уже явно шла к нам.

По моим расчетам, часы в Стокгольме, наверное, показывали около шести вечера, ведь Кения опережает Швецию по времени на два часа. Анника уже точно все знала, она, конечно, сейчас находилась дома с детьми.

Катерина лежала прижавшись ко мне. Она перестала всхлипывать, ее щека покоилась у меня на груди. Я знал, что она не спала. Мои руки были связаны за спиной. Они уже много часов как онемели. Захватившие нас мужчины использовали пластиковые ленты, узкий ремешок с ребристой нижней поверхностью, который протягивался в ушко, и его нельзя было снять

снова, по-моему, это называется хомутом-стяжкой, они врезались в кожу при малейшем движении и не ослаблялись, как ни старайся. Насколько важна циркуляция крови в руках и ногах? Как долго можно протянуть без нее? А вдруг результатом станут необратимые повреждения?

Потом грузовик въехал в особенно глубокую яму, и мы с Катериной ударились головами. Автомобиль остановился, сильно накренившись на бок, меня прижало к мягкой плоти немки, а Катерина соскользнула в направлении моей промежности. Я почувствовал, как у меня на лбу, болезненно пульсируя, набухает шишка. Передняя дверь открылась, послышались крики, наклон увеличился. К крикам прибавился разговор, казалось, собеседники не могли прийти к общему мнению. Спустя непродолжительное время (пять минут? четверть часа?) воцарилась тишина.

Температура упала.

Тишина и темнота все больше давили на нервы.

Катерина заплакала снова.

– У кого-нибудь есть какой-то острый предмет? – спросил Алваро тихо по-испански от дальнего края кузова.

Естественно. Пластиковая лента.

– Это абсолютно неприемлемо, – сказал француз Магури.

– Пощупайте вокруг, может, найдете в кузове острый камень, или гвоздь, или часть растения.

Я попытался обшарить пальцами пол, но Катерина почти лежала на мне, я был прижат к делопроизводительнице, и мои руки потеряли способность двигаться, а в следующее мгновение послышался приближающийся звук работающего дизельного двигателя.

Он стих около грузовика, и кто-то вышел наружу. Я услышал скрежет металла о металл и сердитые крики.

Потом закрывавший кузов брезент подняли.

Андерс Шюман сидел в своей стеклянной клетке и обводил взглядом редакцию. Он предпочитал величать все сейчас находившееся в поле его зрения помещение именно таким образом, хотя на его территории сегодня располагались также отделы продаж, анализа рыночной ситуации и информационных технологий.

День выдался бедным на новости. Никаких волнений в арабском мире или землетрясений, никто из политиков или звезд сериалов не отметился недостойным поступком. Им вряд ли стоило рассчитывать набрать очки на природном катаклизме снова, вчера они предупредили о нем и сегодня рассказали о его последствиях, а Андерс Шюман знал своего читателя (или, точнее говоря, доверял своим аналитикам). К утру требовалось приготовить что-то другое, чем снежная буря, но пока никакой спасительной соломинки на горизонте не наблюдалось. Патрик, еще до конца не пришедший в себя после неудачи с крышей ИКЕА, нашел на какой-то американской домашней странице данные, касавшиеся женщины с так называемым *alien hand syndrome*³. После операции полушария мозга шестидесятилетней Харриет «поссорились между собой», в результате определенные части ее тела перестали повиноваться ей. Помимо прочего, бедняга Харриет теперь периодически подвергалась атакам со стороны своей собственной правой руки, словно ею управляла какая-то потусторонняя сила (отсюда и название диагноза). Она могла ударить или поцарапать хозяйку, отдать деньги или раздеть ее, отказываясь ей подчиняться.

Андерс Шюман вздохнул.

Он сидел с мировой сенсацией в руках, тогда как редакция за стеклянной перегородкой перед ним готовила в качестве изюминки номера материал о синдроме чужой руки.

³ Синдром чужой руки (англ.).

Естественно, его одолевало желание наплевать на мольбы министерства юстиции о секретности и сдержанности и напечатать историю об исчезнувшей делегации ЕС, но определенные этические нормы, усвоенные им на государственном телевидении Швеции, откуда он пришел сюда, удерживали его. И в определенной мере – мысль об Аннике. Гулявшие по блогосфере теории о том, как средства массовой информации защищали своих людей, были сильно преувеличены. В действительности все выглядело с точностью до наоборот (в данной сфере царил болезненный интерес в отношении коллег, и все, что делалось и говорилось другими журналистами, находилось под пристальным вниманием), но немного обычного человеческого сочувствия к ближнему у него все равно осталось. Кроме того, история не могла никуда убежать от них. Пока лишь самых близких проинформировали о случившемся, а среди них не было ни одного журналиста, и это гарантировало ему все сто процентов.

Вопрос состоял в том, как эта информация отразится на Аннике и что ему с ней делать.

Он поднялся и встал перед прозрачной дверью. Его дыхание оставляло влажные пятна на стекле.

Там, снаружи игра шла по новым правилам. В газете сегодня больше не осталось места для журналистики углубленных исследований. Сейчас требовались быстрые мультимедийные продюсеры, способные сделать телевизионный сюжет, написать короткое сообщение на интернет-странице и, возможно, соорудить статью к вечеру. Анника принадлежала к вымирающей расе, по крайней мере если говорить о «Квельспрессен». Для того чтобы разбираться со сложными правовыми случаями или решать запутанные криминальные задачи, в чем она чувствовала себя как рыба в воде, отныне не было никаких ресурсов. Он знал, что Анника сочла наказанием решение подключить ее к амбициозным попыткам Патрика взглянуть на новости под новым углом, но он же не мог бесконечно выделять ее среди других. И не имел средств вечно держать в Вашингтоне, а также возможности отказывать Патрику каждый раз, когда тот подходил с какой-нибудь сумасшедшей идеей. «Квельспрессен» по-прежнему оставалась второй по величине газетой в Швеции, и, если они когда-либо собирались обойти своего главного соперника «Конкурент», им требовалось думать больше, шире и более дерзко.

Факт состоял в том, что он больше нуждался в Патрике, чем в Аннике.

Шюман отошел от стеклянной двери и принялся кругами ходить по своему маленькому офису.

Нельзя было сказать, что она плохо выполняла свою работу в качестве корреспондента, совсем наоборот. С убийством шведского посла в США около года назад, например, разоблачилась просто блестяще. Никакого сомнения на сей счет.

Примирение с мужем, похоже, хорошо на нее повлияло. Анника никогда не была пай-девочкой, и при общении с ней постоянно возникали трения, но в тот год, когда она и Томас разбежались, ее присутствие в непосредственной близости стало особенно неприятным.

Шюман и думать не хотел, к чему все приведет, если с ее супругом случится беда. Он понимал, что мыслит слишком рационально, пожалуй, даже чересчур, но «Квельспрессен» была не реабилитационным центром. Если Томас не вернется, осталось бы только откупиться от Анники приличным выходным пособием и доверить ее заботам психиатров и социальных работников.

Главный редактор снова вздохнул.

Синдром чужой руки.

Да, боже праведный.

– Когда папа будет дома?

«У них шестое чувство», – подумала Анника и погладила дочь по голове.

– Он работает в Африке, ты же знаешь, – сказала она и подоткнула одеяло вокруг дочери.

– Да, но когда он вернется назад?

– В понедельник, – раздраженно сказал Калле из своей кровати. – Ты ничего не помнишь.

Когда Анника одна жила с детьми в квартире, Эллен и Калле могли иметь каждый по комнате. Она сама спала к гостиной. Это стало невозможно после возвращения Томаса. Калле пришлось переехать к Эллен, что он воспринял как личное оскорбление.

Анника посмотрела в сторону кровати сына.

Следовало ли ей рассказать детям? Но что в таком случае? Правду? Немного с позитивным оттенком?

«Папа исчез в Африке и не приедет домой в понедельник, а возможно, и никогда, кстати, тогда ты сможешь снова перебраться в свою старую комнату, это же так здорово?»

Или, пожалуй, солгать из милосердия?

«Папу, похоже, так увлекла работа в Африке, что он решил остаться там еще на какое-то время, и вы, наверное, сможете поехать туда и навестить его когда-нибудь, как вам такая перспектива?»

Эллен прижала к себе Поппи, свернулась калачиком и закрыла глаза.

– Спокойной ночи, – сказала Анника и погасила ночник дочери.

В гостиной царил полумрак. Несколько маленьких декоративных ламп, оставшихся от предыдущего квартиросъемщика, горели золотистым светом в оконных нишах. Телевизор стоял включенным, но без звука. Лейф ГВ Перссон, судя по всему, рассказывал о преступлении недели в своей программе, которую она обычно старалась не пропускать. Блондинка, выступавшая с ним в качестве спарринг-партнера, говорила что-то в камеру по ходу сюжета. И оба ведущих ходили среди неимоверно длинных рядов папок с протоколами допросов и прочими бумагами.

«Наверное, это архив Пальме», – подумала Анника и достала свой старый мобильник. Никаких пропущенных звонков или эсэмэс.

Она села на диван с телефоном в руке и уставилась на стену позади Лейфа ГВ Перссона. Шюман и еще кто-то, чей номер она не узнала, вероятно Халениус, непрерывно звонили ей на рабочий аппарат после того, как она ушла из «Лягушки». В конце концов она выключила его. Номер ее личного мобильного не знал почти никто, только Томас, и школа, и Анна Снапхане, и еще несколько человек, и он сейчас лежал как мертвая рыба у нее в руке.

Несмотря на полумрак, Анника различала все цвета четче, чем обычно. И каждый удар пульса воспринимался ею как звук часов, отсчитывающих секунды в ее теле. И точно так же дыхание из машинального действия превратилось для нее в нечто более осмысленное, и она слышала каждый вдох.

Что ей делать? Надо ли рассказать? Имела ли она право? И кому тогда? Может, кому-то она просто обязана была все рассказать? Своей матери? Матери Томаса? А не поехать ли ей в Африку на поиски его? Но кто в таком случае позаботится о детях? Матушка? Нет, она не могла позвонить своей матери. Или могла? Как бы это выглядело?

Анника потерла лицо ладонями.

Барбра возмутилась бы. Стала бы жалеть себя. Все получилось бы довольно сложно. В конечном счете Аннике пришлось бы утешать ее и извиняться перед ней за то, что она втягивает ее в свои рабочие проблемы. И это притом, что она не была бы пьяна, иначе ничего вразумительного не удалось бы от нее добиться. В любом случае от разговора с ней не стоило ожидать ничего хорошего, совершенно независимо от того, шла бы речь о Томасе, Африке или о чем-то другом.

Барбра не простила дочери того, что та не приехала домой на свадьбу сестры Биргитты. Та выходила замуж за Стивена (который был чистокровным шведом, несмотря на свое имя) в разгар президентских выборов в Америке, и Анника не могла да и не хотела хоть на время оставлять свое недавно полученное место в корпункте ради участия в празднике в Народном доме Хеллефорсна.

– Это самый важный день в жизни твоей сестры, – захныкала мать из своей квартиры на Таттарбакене.

– Ни ты, ни Биргитта не приехали на мою свадьбу, – парировала Анника.

– Да, но ты же выходила замуж в Корее!

Недоуменное возмущение в голосе.

– И что? Как получается, что все расстояния всегда короче для меня, чем для вас?

С Биргиттой она не разговаривала после свадьбы. Да и едва ли до нее тоже, честно говоря. С тех пор как она уехала из дома в восемнадцать лет.

Берит она тоже не хотела звонить. Конечно, та сумела бы удержать язык за зубами, но выглядело неправильным вываливать информацию об исчезнувшей делегации ЕС на коллегу.

Мать Томаса Дорис ей, естественно, требовалось проинформировать. Хотя что она смогла бы сказать? «Твой сын несколько дней не отвечал по своему мобильному, но я ни капельки не обеспокоилась, поскольку считала, что он трахается с кем-то?»

Аника поднялась с дивана все еще со старым телефоном в руке и пошла на кухню. Электрический рождественский подсвечник, только недавно купленный в универмаге «Охленс» на площади Фридхемсплан, слабо освещал кухонное окно. Его выбрал Калле. Эллен в ее возрасте пока больше интересовали ангелочки, и она смогла купить три магнетика на холодильник с купидонами. Посуда с недоеденными остатками ужина все еще стояла в мойке; она включила лампу на потолке и принялась методично загружать посудомоечную машину.

Механические действия хоть как-то отвлекали ее от тяжелых дум. Повернуть кран, взять губку, смыть остатки еды круговыми движениями, положить губку на раковину, поставить тарелки в предназначенное им место в машине.

Внезапно она расплакалась. Выронила губку, стакан и вилку и опустилась на кухонный пол, не выключив горячую воду.

Просидела там довольно долго.

Как такое возможно? Ее муж исчез, а у нее даже нет никого, кому она могла бы позвонить и поделиться. Что с ней не так?

Она закрыла кран, высморкалась в бумажное полотенце и пошла в гостиную с мобильником в руках.

Ни одного пропущенного звонка или эсэмэски.

Аника села на диван и сглотнула комок в горле.

Почему ей так и не удалось обзавестись столь приятной компанией, как у Томаса? Старые друзья футбольной поры и товарищи по гимназии и несколько парней из Уппсалы, целая куча народу с работы и игроки хоккейной команды. А кто был у нее? За исключением, возможно, Анны Снапхане?

Они работали вместе в первое лето Анники в «Квельспрессен», но потом Анна переехала в сферу телерадиовещания. Отношения между ними все это время то шли в гору, то устремлялись по нисходящей. И пока Аника находилась в США, они контактировали довольно редко, но в последние месяцы встречались много раз. Могли вместе выпить кофе в субботу вечером или сходить в музей в воскресенье.

Аника отдыхала, слушая рассказы об утомительных авантюрах подруги и ее честолюбивых планах. Анне всегда до успеха оставалось рукой подать. Ей было предначертано великое будущее, а это означало, что она в конечном счете станет знаменитой ведущей на телевидении. Каждую неделю Анна придумывала новый телевизионный формат, викторины, и игровые программы, и развлекательные ток-шоу, она постоянно вынашивала идеи новых документальных фильмов, рьяно заказывала аналитические отчеты с целью найти недостатки в работе какого-нибудь телемагазина и разоблачить его. Зачастую ее фантастические идеи заканчивались на том, что она выкладывала их в Интернет (Анна имела популярный блог под названием «Удивительная жизнь и приключения телемамочки» и 4357 друзей в «Фейсбуке»). Но при этом,

насколько Анника знала, она ни разу не написала более полстраницы для какого-либо из своих величественных телевизионных спичей. И у нее никогда не хватало времени на встречи с телевизионными шефами, но для Анны это, похоже, не имело особого значения. На хлеб же она зарабатывала себе в качестве сотрудника информационного отдела в фирме, которая продюсировала мыльные оперы.

– Анника! Но, боже, как удивительно, что ты звонишь. Я как раз сидела и думала о тебе.

Анника зажмурилась и почувствовала, как у нее потеплело на душе и одновременно слезы подступили к горлу. Вопреки всему, хоть кто-то помнил о ней.

– Твои коричневые полусапожки, они тебе понадобятся в выходные?

– Томас пропал, – только и смогла вымолвить Анника, а потом просто разрыдалась. Слезы весенними ручьями потекли на мобильный телефон, она пыталась вытереть его, поскольку он был не во влагозащищенном корпусе.

– Чертов козел, – сказала Анна. – Такое впечатление, что просто не способен держать ширинку застегнутой. И с кем он спутался на сей раз?

Анника заморгала, слезы прекратились.

– Нет, – сказала она, – нет, нет, совсем не то...

– Анника, – вмешалась Анна Снапхане, – кончай защищать его. Не вини себя. Ты здесь ни при чем.

Анника сделала глубокий вдох и почувствовала, что снова в состоянии говорить.

– Только не рассказывай никому, это для всех пока секрет. Его делегация исчезла, на границе Сомали.

Она забыла название города.

– Целая делегация? Как они путешествовали? Самолетом?

– Их было семь человек, на двух автомобилях. Они исчезли вчера. Их охранника и переводчика нашли мертвыми, застреленными в голову.

– Но, Анника, черт побери! Неужели они застрелили и Томаса тоже?

– Я не знаю!

– Но, боже праведный, что ты будешь делать, если он умрет? Как дети справятся с этим?

Анника раскачивалась вперед и назад на диване, обхватив себя руками.

– Бедная, бедная Анника, почему тебе всегда так не везет? Боже, как мне жаль тебя. Твой бедный...

Как приятно чувствовать, что кто-то беспокоится за тебя.

– И бедняга Калле, подумай, он же вырастет без отца. У него была страховка?

Анника перестала плакать, но оставила вопрос подружки без ответа.

– И Эллен, она же еще такая маленькая, – продолжала причитать Анна. – Сколько ей? Семь? Восемь? Она будет едва помнить его, господи, Анника, что ты будешь делать?

– Страховка?

– Я не хочу показаться циничной, но нельзя же просто распускать нюни в такой ситуации. Пробегись по всем своим бумагам и посмотри, что там обозначено, это же приличные деньги, что ни говори. Может, мне приехать и помочь тебе?

Анника закрыла глаза рукой.

– Спасибо, завтра, возможно, сейчас я пойду лягу. У меня выдался тяжелый день.

– Да, боже, бедняжка, я понимаю тебя. Позвони, если будут новости, обещай мне...

Анника пробормотала что-то, напомиравшее утвердительный ответ.

Потом она какое-то время сидела на диване с мобильником в руке. Лейф ГВ Перссон уже ушел домой, а красивая брюнетка из программы «Рапорт» заняла его место. На экране показывали фотографии вызванного бурей хаоса со всей Швеции, занесенные снегом фуры с грузами и трудившихся сверхурочно водителей эвакуаторов, сложившуюся крышу зала для большого тенниса. Она потянулась за пультом телевизора и увеличила громкость. То, что так

много снега выпало столь рано, в ноябре, было необычно, но уж точно не уникальное событие, поведала темноволосая красавица. Похожая ситуация имела место в Швеции и в 60-х, и в 80-х годах прошлого столетия.

Она выключила телевизор, пошла в ванную и почистила зубы, и вымыла ледяной водой лицо, чтобы утром не осталось мешков под глазами.

Потом она легла в кровать на половину Томаса, у нее нестерпимо ныли суставы.

Они разрезали ленту на наших запястьях, и теперь мы уже падали не так часто.

Это стало огромным облегчением.

Взошла луна. Мы шли гуськом. Пейзаж вокруг нас на всю свою трехмерную глубину представлял собой темно-синюю фотографию с серебристыми краями: колючие кусты, большие термитники, сухие деревья, острые каменные глыбы и горы вдалеке. Я не знал, как мне называть это, саванной или полупустыней, но здесь хватало ухабов и идти было нелегко.

Магури шествовал первым. Он сам произвел себя в лидеры. Никто из нас других не санкционировал данное решение, по крайней мере я. За ним двигался румын, далее я и Катерина, датчанин и испанец Алваро, и последней тащилась немка. Она хлюпала носом и плакала, то есть вела себя далеко не лучшим образом.

Катерине каждый шаг давался с трудом. Она оступилась почти сразу же после того, как мы оставили грузовик, и повредила левую ногу. Я поддерживал ее в меру сил, но у меня кружилась голова, я едва не терял сознание от жажды, и, боюсь, не мог помочь. Мои брюки постоянно цеплялись за колючки кустов, на коже под правым коленом от них остался глубокий порез.

За день я видел из автомобиля только одно животное, одинокую антилопу, и нечто по моему понятию являвшееся африканским бородавчиком, но ночью повсюду мелькали их черные тени и светились глаза.

– Я требую, чтобы нам сказали, куда нас ведут!

Пожалуй, мне в любом случае следовало отдать дань уважения Себастьяну Магури за его упорство.

– Я – французский гражданин и требую, чтобы мне дали возможность связаться с моим посольством!

Он говорил по-английски с почти забавным французским акцентом. Его возгласы повторялись с интервалами не более пяти минут. Уставая, он компенсировал потерю силы голоса своим возмущением.

– Это преступление против peregrinus права! *Jus cogens!* Мы принадлежим к международной организации, а вы, господа, тем самым становитесь виновными в нарушении *jus cogens!*

Я совершенно не представлял, где мы находились. Кения? Сомали? Нас же не могли затащить так далеко на север, что мы оказались в Эфиопии? Ночь была одинаково непроницаемой во всех направлениях. Ни один город не выделялся у горизонта своим электрическим нимбом.

Мужчины с оружием шли впереди и позади нас. Всего четверо, двое очень молодых парней и двое мужчин постарше. Все не кенийцы, если верить Катерине. Она говорила на арабском, суахили и маа и, кроме того, на английском естественно, и не понимала, о чем они болтали между собой. Это мог быть какой-то другой из шестидесяти местных, кенийских языков, но он не принадлежал ни к банту, ни к нилотской группе. По ее догадкам, речь могла идти о сомалийском, одном из языков афро-азиатской или восточнокушитской группы. Один из мужчин, высокий, который при первой встрече открыл мою дверь машины, порой обращался к нам на плохом суахили. Помимо прочего он рассказал, что мы неверные собаки, заслуживающие долгой и мучительной смерти, и что великий Лидер, или великий Генерал, сам решит нашу судьбу. Он называл его *Кионгози Уюмла*, или, пожалуй, так величали предводителя на каком-

то из его языков. Кем являлся сей «верховный вождь» или где он находился, из его речи не удавалось понять.

Потом двое мужчин впереди нас остановились. Длинный сказал что-то находившимся сзади парням, его голос звучал устало и раздраженно, махнул руками и оружием.

Один из молодых побежал куда-то в темноту.

Длинный показал автоматом на нас:

– *Каа! Чини! Каа чини...*

– Он говорит нам садиться, – перевела Катерина и опустилась на землю.

Я сел рядом с ней, чувствовал насекомых на своих руках, но даже не попытался от них избавиться. А когда прилег, муравьи тут же заползли мне в уши. И тотчас получил сильный удар ногой по спине.

– *Каа!*

С помощью рук я принял сидячее положение. Женщины, похоже, могли лежать, но мужчины нет.

Я не знаю, как долго сидел там. Холод пробрался под мою потную одежду и заключил тело в ледяные объятия, скоро мои зубы выбивали барабанную дробь. Похоже, я все равно спал, поскольку парень внезапно вернулся, и длинный приказал нам подниматься (не понадобился даже перевод с суахили, движения оружием говорили сами за себя).

Мы пошли назад тем же путем, которым пришли, или, возможно, каким-то другим, я не знаю, но Катерина уже больше не могла двигаться. Она всей тяжестью навалилась на меня, я не устоял и упал на землю, а Катерина опустилась на меня сверху.

Тогда длинный пнул Катерину по больной ноге и тянул ее за волосы до тех пор, пока она снова не встала.

– *Тембеа!*

Румын, я не понял его имени во время презентации и забыл посмотреть в документах, как его зовут, прильнул к Катерине с другой стороны. Мне это показалось несколько неприличным, но я находился не в том положении, чтобы протестовать.

Не знаю, можно ли идти вертикально в обморочном состоянии, но мое сознание то возвращалось, то покидало меня снова весь остаток ночи.

Слабый рассвет забрезжил со стороны, которую я позднее не смог локализовать, когда мы неожиданно оказались перед стеной из колючих веток и кустарников.

– *Маниатта*, – прошептала Катерина.

– Это совершенно неприемлемо! – заорал француз. – Я требую, чтобы нам дали воду и еду!

Я видел, как длинный подошел к Себастьяну Магури и поднял приклад автомата.

День 2

Четверг 24 ноября

Калле всегда хотел пить «О'бой» по утрам. Анника была не в восторге от этого, шоколад увеличивал содержание сахара у него в крови, и в результате он сначала становился слишком возбужденным, а потом кислым и раздраженным. Они договорились о компромиссе: он получал свой напиток, если одновременно ел яичницу с беконом, то есть жиры и белки. Эллен обожала густой греческий йогурт с малиной и грецкими орехами, поэтому Аннике не требовалось вести с ней переговоры относительно завтрака.

– Мы сможем пойти на хоккей в воскресенье? – спросил Калле. – Будет дерби, «Юргорден» против АИКа.

– Не знаю, стоит ли, – сказала Анника. – Матчи такого рода обычно проходят слишком бурно. «Черная армия» бросает хлопушки на лед, а «Железные каминь» контратакуют бенгальскими огнями. Нет, спасибо.

Эллен с широко открытыми глазами остановила ложку с йогуртом на полпути ко рту.

– Но почему они так делают?

– Они же фанаты, – объяснил Калле. – И любят свою команду.

Аника одарила сына удивленным взглядом.

– Любят? – спросила она. – Так, значит, они любят команду? Бросая горящие предметы в игроков?

Калле пожал плечами.

– Мне жаль этих фанатов, – сказала Анника. – Какой скучной жизнью, наверное, они живут. Подумай, если бы им удалось найти себе какое-то другое занятие, не в школе или на работе, а иное для себя применение в политике или в чем-то еще. Взамен они усиленно любят какую-то хоккейную команду. Как трагично.

Калле запихал в рот остатки яичницы и опустошил кружку с «О'бой».

– Я юргорданец в любом случае, – констатировал он.

– А я болею за «Хеллефорснес», – сказала Анника.

– И я тоже, – поддержала ее Эллен.

Дети не спрашивали об отце все утро. И Анника посчитала ненужным упоминать его сейчас, ведь что она могла сказать?

Они почистили зубы и оделись без каких-либо нареканий с ее стороны.

И в виде исключения они вышли из дома вовремя.

На улице снова потеплело. Небо закрывали толстые серые облака. Пахло сыростью и отработанными газами. Снег приобрел коричневый оттенок.

Школа детей, American International Primary School of Stockholm, находилась на пути к ее редакции, как раз за Кунгсхольмской гимназией. Она проводила их до кованой железной решетки, отгораживавшей ее территорию от улицы, торопливо обняла Эллен и смотрела им вслед, пока они не исчезли за прочной дубовой дверью. А потом постояла еще немного, наблюдая за детьми и родителями, мальчиками и девочками, мамами и папами, которые непрерывным потоком проходили мимо нее в калитку. Конечно, там кое-где чувствовалась твердая рука и слышались раздраженные голоса, но прежде всего царили любовь и терпение, гордость и доброжелательность без конца.

Аника оставалась там, пока людская река не иссякла и у нее не начали замерзать пальцы ног.

Вопреки всему, это была хорошая школа, даже если большую часть предметов в ней преподавали на английском.

И на самом деле идея отправить их сюда принадлежала не ей. Томас настоял, чтобы сын и дочь продолжили изучать английский после их возвращения домой, несмотря на ее сомнения. Дети же были шведскими, и предполагалось, что они будут жить в Швеции, и она не видела причины усложнять им жизнь.

Ей показалось, что она слышит сейчас его голос.

— Какие еще сложности? Они ведь изучают шведский на уроках родного языка. Подумай, какая возможность для них стать полностью двуязычными. Позволить им сохранить преимущество, которое они получили.

Анника сдалась, хотя и не из-за фантастической интернационализации детей, заботившей ее меньше всего (честно говоря, она была совершенно не заинтересована в ней), а памятуя свой опыт обычной, шведской, муниципальной, среднестатистической школы. И прежде всего, из-за сына, он плохо уживался с маленькими избалованными монстрами из числа одноклассников, которые любой ценой стремились самоутвердиться за счет тех, кто находился поблизости к ним, и, лучше всего, тихонь, подобных Калле.

Сейчас одна мысль не выходила у нее из головы: «Что мне делать, если Томас не вернется?»

Она оперлась о фасад ближайшего дома и постаралась дышать ровно.

Надо ли будет позволить детям ходить сюда и дальше, как Томас хотел, или принять какое-то другое решение? Должна ли она уважить память отца своих детей и дать его инициативе продолжиться, и наложить отпечаток на них в будущем? Кто, кроме нее, смог бы решить подобное? Она единственная отвечала бы за них. Речь шла бы о ее собственной жизни и жизни детей...

Анника прислонилась спиной к зданию и закрыла глаза.

Дальнейшие события отложились в ее памяти лишь урывками, и, перешагнув порог редакции, она толком не знала, как добралась туда. Стойка охраны, покачиваясь, как корабль на волнах, появилась из тумана справа от нее, каким-то чудесным образом она получила откуда-то свой паспорт и проплыла дальше.

Берит еще не пришла.

Редакция оставалась на своем месте, и данный факт немного успокоил Аннику. Здесь пахло бумажной пылью, удлинителями и жженым кофе.

Она распаковала свой компьютер, вошла в Сеть, а потом открыла собственную страницу в «Фейсбуке» и сразу же попала на восторженные отзывы Евы Бритт Квист по поводу спектакля «В ожидании Годо», который той удалось посмотреть предыдущим вечером. Она слышала разговоры коллег по телефону, музыку заставок новостных телепрограмм, гул вентиляторов. Отодвинула свой компьютер и взяла свежий номер бумажной версии газеты с соседнего стола.

ХАРРИЕТ ПОДВЕРГАЛАСЬ НАПАДЕНИЮ — СО СТОРОНЫ СОБСТВЕННОЙ РУКИ

На первой странице доминировала фотография женщины на больничной кровати, которая царапала себе лицо, при этом явно крича от боли. Утверждалось, что она страдает синдромом чужой руки.

И Анника восприняла прочитанное как некое утешение для себя. Пусть у нее муж исчез в Северо-Восточной Кении, но ее в любом случае обошла стороной подобная беда. Да и смерть матери маленького мальчика затронула ее лишь косвенно, всего лишь став для нее очередной работой.

Анника быстро перелистала раздел новостей руками, четко повиновавшимися ее воле.

Ни строчки о женщине, убитой за детским садом в Аксельберге.

Она отправила газету в корзину для бумаг, пошла в отдел анализа рыночной ситуации и позаимствовала там (о'кей, стащила) их экземпляр «Моргонтиднинген». В стокгольмском разделе под заголовком «Новости вкратце» она нашла заметку о мертвом теле, обнаруженном в лесистой части Хегерстена. Никакого подозреваемого в преступлении, ни слова о детском саде, без имени жертвы. Просто мертвое тело. Найденное в лесистой части.

Анника отправила утреннюю газету той же дорогой, что и ее вечернюю родственницу, подтащила к себе компьютер и попробовала поискать в блогосфере.

В отличие от осторожности, тактичности или, возможно, незаинтересованности, продемонстрированной официальными средствами массовой информации в отношении убитой, в Сети все выглядело совсем иначе. На многих страницах хватало самых разных рассуждений о случившемся с ней. И большинство теорий представлялись как базировавшиеся на неоспоримых фактах. Естественно, приводилось и имя покойной, с душеспасительными подробностями, причем не одно, а целых четыре. По словам комментаторов, в беду попала Карин, Линна, Симоне или Ханнелора, оставалось лишь выбрать. Большинство из них имело много детей, а кто-то и ни одного ребенка совсем, однако блогер «Приятная жизнь в Мелархёйдене» посетовал в изобилующей грубыми ошибками реплике о том, как бедный маленький Вильгельм справится с этим. И все примерно в таких же выражениях, какие Анна Снапхане вчера использовала в связи с возможной потерей отца ее собственными детьми.

«И Линна Сэндман всегда была такой приятной, хотя развод явно дался ей очень дорогой ценой...»

Стоило попробовать, если она сейчас носила такую фамилию, хотя ее могли написать и с ошибками.

Анника впечатала в поисковик «линна сэндман», а потом принялась открывать все полученные совпадения, будь то страницы в «Фейсбуке» и LinkedIn, результаты национальных соревнований по плаванию или списки принятых в гимназии осенью. И бинго!

Она наклонилась к экрану и прочитала опус Вивеки Фернандез, отметившейся не где-нибудь, а на blogspot.kvallspressen.ee, одном из серверов «Квельспрессен».

«Когда Линна заявила на Эверта в полицию, стражи порядка всерьез взялись за дело. Прегрешений было так много, и они продолжались в течение столь долгого времени, что им следовало арестовать его за тяжкое нарушение неприкосновенности женщины. Так они сказали, хотя и не сделали ничего подобного. Эверт продолжал вести себя в том же духе: звонил по телефону круглые сутки, колошматил в двери ногами и орал так, что трясся весь дом. Через неделю Линна связалась с прокурором и спросила, почему они не забрали Эверта, она же оформила все официально, и тогда прокурор сказал, что по всем преступлениям прошел срок давности. По избиениям, угрозам и сексуальному домогательству того рода, какие она описала в своем заявлении, он составлял два года. Но в случае тяжкого нарушения неприкосновенности женщины, возразила Линна, предусмотрен срок десять лет. Однако, если верить прокурору, закон гласил иначе. Тяжкое нарушение неприкосновенности женщины не являлось так называемым «непрерывным» преступлением (вроде бы именно такой термин он применил). Каждое деяние требовалось оценивать само по себе, и каждое имело собственный срок давности. Что же касается десяти лет, это чисто гипотетически, по его словам...»

Анника отпрянула от экрана с открытым от удивления ртом. Она написала не одну статью и взяла массу интервью у ученых и юристов относительно данного параграфа закона и свято верила, что его смысл хорошо ей известен.

Ведь если женщина жила в ситуации, когда постоянно подвергалась насилию, ей, наверное, трудно было запомнить, получила она синяк в четверг, а ребра сломали ей в пятницу или наоборот. Поэтому и появилась статья о тяжком нарушении неприкосновенности женщины, чтобы все действия стали рассматривать в совокупности, а не как череду мелких инцидентов.

Кроме того, срок давности в результате увеличили до десяти лет с единственной целью – показать всю серьезность преступлений данного типа.

Неужели она все неправильно поняла? В этом, естественно, не было ничего невозможного, но тогда ведь и все другие юристы и журналисты ошибались?

Телефон на ее письменном столе зазвонил. Внутренний разговор, судя по дисплею. Она подняла трубку.

– Ты не можешь отключать мобильник да и домашний аппарат тоже в такой ситуации, – сказал Андерс Шюман на другом конце линии. – Халениус искал тебя всю ночь. Подумай, а если бы что-то случилось, например появились бы какие-то новости?

Судя по шуму ветра и потрескиванию в трубке, он находился где-то на улице.

– И что?

– Что?

– Что-то и в самом деле случилось?

– Ничего, насколько мне известно.

– Тогда не имеет никакого значения, если я отключила домашний телефон, не так ли?

– Ты ведешь себя иррационально и безответственно, – выговорил ей Шюман сердито. – Подумай, а если бы Томас попытался найти тебя?

– У меня есть другой мобильный, на который он звонит.

Большая машина, автобус или грузовик, проехала мимо на другом конце линии. Она услышала, как Шюман заорал: «Смотри за собой, чертов идиот!»

Однако, когда он заговорил снова, его голос звучал спокойно.

– Халениус хотел проинформировать тебя о ситуации и рассказать, как правительство собирается действовать. Он готов приехать к тебе домой или встретиться с тобой в городе, но не может прийти в редакцию снова. Они хотели бы сохранить все в секрете еще какое-то время.

– Я не жажду видеть его в своей квартире.

– Тогда можешь съездить в министерство, если есть желание.

– Ты знал, что срок давности по тяжкому нарушению неприкосновенности женщины вовсе не десять лет?

Мимо проехала машина с сиреной.

– Что ты сказала?

Анника закрыла глаза.

– Ничего. Где ты находишься?

– Жена высадила меня на площади Фридхемсплан. Я скоро буду в газете.

Они прекратили разговор. Анника придвинула к себе компьютер снова и зашла на hitta.se. Там, конечно, не хватало многих данных регистрации по месту жительства, но имелись практически все открытые телефонные номера страны и зачастую также полные адреса абонентов.

Никакой Линны Сендман она там не нашла. Вероятно, на ее имя не было зарегистрировано телефона или потом она потребовала себе секретный номер, но, если верить Вивеке Фернандез, без какого-то успеха. Зато саму блогершу Анника отыскала по адресу Клуббакен, 48 в Хегерстене. Согласно карте, сопровождавшей эти данные, ее дом находился совсем рядом как с детским садом, за которым лежало мертвое тело, так с Сельмедальсвеген. Вероятно, это была одна из светлых девятиэтажек из шестидесятых годов прошлого столетия, которые Анника видела с тропинки.

Она снова вернулась к записи в блоге. Судя по тексту, Вивека Фернандез прекрасно знала ситуацию Линны Сендман.

«...Орал так, что трясся весь дом...»

«Готова поспорить, что Линна Сендман тоже жила по адресу Клуббакен, 48, – подумала Анника. – И Вивека Фернандез – та самая соседка, которая забила тревогу, когда Линна исчезла».

Она уже собиралась позвонить ей, но, подняв глаза, увидела главного редактора, стоявшего перед ней в лыжной шапочке на голове и с сосульками в усах.

– Нам надо ехать в Розенбад, – сказал он. – Немедленно. Это приказ.

###

Государственная канцелярия, построенная в качестве главного офиса Скандинавского кредитного банка на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий, возвышалась около Норстрёма как неоготический дворец. Сам банк обанкротился еще во время Первой мировой войны, но его эмблема по-прежнему находилась над одним из боковых входов, однако Андерс Шюман забыл, над каким именно.

Он расплатился за такси кредитной карточкой газеты и бросил быстрый взгляд на репортеру рядом с собой. Она выглядела как неприбранная постель.

В связи с бракосочетанием кронпринцессы, случившимся приблизительно год назад, он ввел для своих сотрудников новый дресс-код. Потертые джинсы, слишком короткие юбки, застиранные свитеры с эмблемой какого-нибудь колледжа и декольте до пупа попали под запрет, уступив место определенному стилю. Аннике, однако, не пришлось вносить особых изменений в свой гардероб. Она обычно ходила в довольно красивых фирменных тряпках, но все равно исхитрялась выглядеть так, словно оказалась в них по ошибке. Часто у него возникало ощущение, что она надевала рубашки мужа, не замечая этого. Сегодня все было еще хуже, чем обычно. Она явилась на работу в блузке и безрукавке, считавшихся современными, когда он ходил в среднюю школу.

Многие поправлялись в США, но не она. Анника стала, если такое возможно, более угловатой и костлявой. Если бы не бюст, ее можно было бы принять за длинноволосого подростка.

– Женщина, которая лежала мертвой около детского сада в Хегерстене, – сказала Анника, – заявляла на своего мужа, обвиняя его в тяжком нарушении неприкосновенности, но расследование закрыли, поскольку по преступлению истек срок давности.

– Не забудь вареники, – буркнул Шюман, показав на часть содержимого ее сумки, вывалившуюся на пол такси.

Он подошел к входу, нажал на три короны на патинированной латунной табличке слева от двери, и она тихо перед ними распахнулась. Анника шла на три шага позади него вверх по белой мраморной лестнице, через облицованное мрамором фойе с колоннами и арочным потолком к стойке охраны, расположенной в самом его конце слева. Уголком глаза он видел, как она останавливалась и рассматривала статуи, выстроившиеся в ряд вдоль одной из стен.

С внезапно нахлынувшей тоской Шюман вспомнил о той поре, когда сам работал политическим репортером, о том, с какой настороженностью смотрело на него население домов вокруг Розенбада, когда он появлялся там со всей телевизионной командой. Тогда политики, бизнесмены и пресс-секретари называли его имя с уважением, а порой со страхом. А чем он занимался сегодня?

Шюман скосился на Аннику.

– Твои документы, – сказал он.

Она подошла к охраннику и передала ему водительское удостоверение.

Нянька для персонала, вот кем он был сегодня, добытчик прибыли для владельцев, первопроходец заболоченных земель в журналистике.

Синдром чужой руки.

Охранник, молодая девица, изо всех сил старалась выглядеть солидно. Она была в галстук и с завязанными узлом волосами. Немного надменно попросила Шюмана показать документы, изучила поданную им пресс-карточку, но явно не узнала его. Возможно, принадлежала к тем, кто не смотрит общественные дебаты по телевизору. Девица кликнула мышкой компьютера, подняла телефонную трубку, чтобы проверить право гостей проследовать дальше, а потом направила их прямо вперед вверх по лестнице к лифтам.

Да, большое спасибо, он знал это.

– Нам нужен правый, – сказал Шюман. – Левый – обычный лифт, он останавливается на каждом этаже.

Его осведомленность, похоже, не произвела на репортершу ни малейшего впечатления.

Значит, вот где он трудился.

Важная, важная, важная работа Томаса.

Анника старалась не смотреть в зеркало лифта.

Она никогда не была здесь. Не поднималась к нему на пути домой, не оставалась выпить кофе в их столовой для персонала, никогда не удивляла его билетами в театр или кино с последующей пиццей.

Томас накрепко связал себя с государством, а в ее задачу входило изучать его.

Они вышли на шестом, на этаж ниже канцелярии премьер-министра. Томас располагался на втором, еще на четыре этажа ниже. И, каждый раз оказываясь на шестом, он рассказывал об этом за ужином дома с особым почтением в голосе. Здесь сидела власть: министр, статс-секретарь, главы правого и административного отделов и политические эксперты. Белые стены, толстые светло-серые ковры, приоткрытые двери. Воздух, пахнувший влиянием и чистящими средствами.

– Добро пожаловать, – сказал Джимми Халениус, подошел и поздоровался с ними за руку. – Мы расположимся там, в стороне...

Судя по всему, он чувствовал себя здесь неуютно. Был в мятом костюме и непричесан. Аннике стало интересно, как он получил свой пост.

«За умение лизать нужные задницы и полезные связи», – подумала она и спросила:

– Томас дал знать о себе?

– Нет, – ответил Халениус. – Но у нас есть кое-какая информация.

Его голос звучал приглушенно, словно ковры частично поглощали все звуки. Невидимые глаза и уши находились за этими дверями, они видели и слышали все.

Коридор привел их в конференц-зал со светлой деревянной мебелью и шведской минеральной водой, откуда открывался вид на Тегельбакен и Стрёмсборг. Аннике стало холодно, и это не имело никакого отношения к температуре в помещении. Там внутри уже находились двое мужчин из вчерашнего дня, оба носившие имя Ханс, хотя сейчас они были без пальто.

Ей не хотелось находиться здесь. Ее принудили. Согласно приказу.

Она села близко к двери, не обращая внимания на двух тезок.

Халениус выдвинул себе табурет и расположился рядом с ней. Анника инстинктивно откинулась на спинку стула и подтянула к себе ноги.

– Я понимаю, что это ужасно тяжело для тебя. Скажи, если в чем-то возникнет нужда, – обратился к ней Халениус, не отводя от нее голубых, как небо, глаз, и она в ответ пожала плечами и опустила взгляд в стол: «Я хочу получить моего мужа назад».

– Мы связались с Найроби утром и узнали кое-какие детали случившегося. Не бойся перебить меня, если тебя что-то заинтересует.

Заинтересует? Заинтересует?!!

Халениус не сводил с нее взгляда, когда говорил, наклонился вперед, уперев локти в колени, хотел быть ближе к ней. А она смотрела в окно. Башня ратуши подпирала небо тремя коронами на шпиле. Она не могла видеть воду, когда села.

– Делегация, в составе которой был Томас, позавчера утром вылетела на частном самолете в направлении города Либой. Она состояла из семи делегатов плюс трое охранников, переводчик и двое водителей. Переводчика и одного охранника, значит, нашли мертвыми, но одного из водителей пастухи обнаружили живым недалеко от Либоя. Он получил сильный удар по голове, но все равно его смогли коротко допросить по телефону сегодня утром. Не хочешь немного воды?

Хочет ли она этого? Пить? Воды?

Анника покачала головой.

Халениус потянулся за лежавшими на столе бумагами, надел очки и стал читать вслух. Сколько ему было лет? Он ведь говорил когда-то... На три года больше, чем ей, примерно сорок. Он выглядел старше.

– Делегатами, помимо Томаса, являются пятидесятичетырехлетний француз по имени Себастьян Магури. Он член парламента ЕС и относительный новичок в данной связи. Это его первая конференция такого рода. – Халениус махнул своей бумагой. – Ты сможешь забрать эти материалы немного позднее, когда мы получим формальное подтверждение.

Ужасно много пыли здесь внутри, или ей показалось? Серая и липкая, она комом застревала в горле.

– Я бы хотела воды, – сказала Анника.

Один из мужчин по имени Ханс поднялся и принес бутылку воды с бокового столика. Со вкусом лесной малины. Ужасной. Она пахла керосином.

– Катерина Уилсон, тридцать два года, британский делегат, говорящая на арабском и суахили. Она выросла в Кении и поехала со всеми в качестве секретаря, и даже успела прислать первый отчет на конференцию, прежде чем группа исчезла. Алваро Рибейро, тридцать три года, испанский делегат. Хельга Вольф, немка, шестьдесят лет. Здесь это не написано, но говорят, она вроде бы мелкий клерк в Брюсселе. Датского делегата зовут Пер Спанг, шестьдесят пять лет, член парламента своей страны, слаб здоровьем. Сорин Эначе, сорок восемь лет. Румынский делегат. Сотрудник министерства юстиции, примерно в такой же должности, как и Томас. Бегун-марафонец.

Хельга Вольф, какое избитое имя. Более немецкого не придумаешь. Шестьдесят лет, значит, речь явно шла не о ней. Будь она министром, возможно, и стройной, и с в меру подтянутым лицом, но никак не клерком.

– Он вызвался добровольно? – спросила Анника.

Халениус опустил свою бумагу на стол.

– О чем ты?

Тридцатидвухлетняя англичанка была миниатюрной блондинкой, в этом Анника могла поклаться.

– Насколько престижным считалось участие в поездке? – спросила она.

Халениус выглядел усталым.

– Ну, прокатиться по такому заданию невелика честь. Никто из других делегатов тоже не отличался высоким положением. Я не знаю, поехал он по собственной инициативе или ему приказали сделать это, но могу проверить.

Он потянулся за другой бумагой.

Анника окинула взглядом маленький конференц-зал. Здесь явно не вершились великие дела, уж точно это не Синяя комната, где собирались особые комиссии министерства. Небольшое скромное помещение, куда приводили жен исчезнувших сотрудников и где, пожалуй, гото-

вили небольшие изменения к законам о пропавших женщинах, которых находили мертвыми за какими-то детскими садами или на парковочных площадках.

– Первый отчет секретарши состоит из краткого описания города Либой и резюме разговора делегации с начальником его полиции, – сказал Халениус. – В месте пересечения границы с Сомали явно нет никакого поста. Полицейский участок, который выполняет функцию таможни, находится в нескольких километрах от нее.

Анника наклонилась вперед:

– Почему вы утверждаете, что тяжкое нарушение неприкосновенности женщины имеет срок давности десять лет?

Андерс Шюман закрыл глаза ладонью.

– Анника... – простонал он.

Халениус молча посмотрел на нее.

– Это же неправда, – продолжила она. – Данный закон просто игра на публику, не так ли? Министерство юстиции якобы пошло навстречу феминисткам и борцам за гражданские права и создало закон, который на самом деле ничего не стоит.

Анника снова окинула взглядом комнату. Двое мужчин по имени Ханс устались на нее, словно она внезапно заговорила на языке каких-то диких племен. Халениус внимательно изучал ее лицо, как бы пытаясь что-то в нем отыскать.

– Выживший водитель, значит, смог вкратце рассказать о произошедшем, – произнес он медленно. – Делегацию остановила у шлагбаума группа вооруженных людей, семь или восемь человек. Шофер не уверен относительно количества. По его утверждению, они были сомалийцами, но этого естественно нельзя утверждать на сто процентов.

Досаждавший ей озноб добрался до спины, она обхватила плечи руками. Вроде бы у Анны Снапхане был знакомый парень-сомалиец? Рэпер, чертовски красивый?

– Автомобили находились на проселке в нескольких километрах к югу от дороги А3 у самой сомалийской границы. По крайней мере один из охранников сотрудничал с мужчинами у шлагбаума. Он демонтировал аппаратуру отслеживания с обеих «тойот».

Один из мужчин по имени Ханс внезапно взял слово.

– «Тойота-Лендкрузер-100» неслыханно популярна в Африке, – сказал он. – Они могут пройти буквально везде, американская армия использовала эти машины при вторжении в Ирак.

Анника посмотрела в его сторону.

– И какое это имеет отношение к делу? – спросила она.

Мужчина по имени Ханс покраснел.

– Это говорит нам кое-что о людях у шлагбаума, – пояснил статс-секретарь. – Они действовали обдуманно. Нападение не было случайным. Они ждали делегацию ЕС. Знали, что на машинах стоят радиомаяки и где именно установлены. Они достаточно подкованы в данной сфере и поэтому наверняка в курсе, сколько стоят такие автомобили.

Они действовали обдуманно.

Явно не наобум.

Прекрасно знали, что делали, как делали, но почему они это делали? Анника почувствовала, что ее недоумение начинает расти.

– Аборигены постарались? – спросил Андерс Шюман.

– Судя по всему, они. Группа очень разумно выбрала место для нападения. Они взяли туда с собой другой транспорт, крытый грузовик. Водитель узнал тип, «мерседес» старой модели.

Анника подавила внезапно возникшее желание подняться и подойти к окну. Лишь стиснула руками подлокотники кресла.

– Итак, где они сейчас? – спросила она.

– Этого мы не знаем, – ответил Джимми Халениус. – Грузовика не оказалось на месте, когда полиция и военные прибыли туда, значит, его, вероятно, использовали, чтобы увезти всю группу.

Не знаем. Судя по всему. Вероятно.

– Вы, собственно, не знаете ничего, не так ли?

Анника увидела, как Андерс Шюман и оба мужчины по имени Ханс переглянулись. Главный редактор потянулся за стаканом и бутылкой с водой и завел речь о радиомаяках, установленных на автомобилях. А потом они принялись болтать о них, обсуждать разные модификации, словно это было важно, как будто играло какую-то роль, шла ли речь о немецком варианте, маленькой, но довольно мощной вещице, в которой позиционирование осуществлялось двумя методами, во-первых, через спутник, а во-вторых, традиционным отслеживанием радиосигнала.

Она чувствовала, что их слова проникают ей в уши, но не задерживаются в голове, просто уходят дальше в пространство без цели и смысла. Таким штуковинам требовалась приемная антенна, или они должны были находиться в зоне действия спутника, и наиболее миниатюрная версия, применявшаяся в данном случае, размерами не превосходила мобильный телефон и весила 135 граммов, и спрятаны эти устройства были в моторном отсеке позади емкости для охлаждающей жидкости.

Она посмотрела вдаль через Риддарфьерден. Приближался снегопад. Тучи висели над самыми крышами домов.

– Ты права, – сказал Халениус. – Мы ужасно мало знаем наверняка. Зато можем сделать кое-какие предположения. Возможно, у нас ситуация с заложниками. Членов делегации похитили. В этом нет ничего необычного в той части мира. Ты, наверное, слышала о сомалийских пиратах, захватывающих корабли в океане. Не исключено, что у нас наземный вариант из той же серии.

– Как с датской семьей на яхте? – уточнил Андерс Шюман.

– Их похитили? – спросила Анника.

– Если у нас ситуация с заложниками, то мы узнаем об этом уже в ближайшие дни, возможно, сегодня или завтра.

Анника не могла больше оставаться на месте, она поднялась и подошла к окну. В Стрёмене плавали утки, чтобы у них не замерзли лапы.

– В этом случае в принципе все уже давно отработано, – сказал Джимми Халениус. – Если нам повезет, преступники просто потребуют выкуп. Если нет, то речь пойдет о политическом похищении. Например, какая-то группа фундаменталистского толка возьмет ответственность на себя и начнет требовать освобождения их осужденных за терроризм товарищей по всему миру, или ухода США из Афганистана, или самоликвидации мирового капитализма. Это гораздо сложнее.

Анника почувствовала, как у нее задрожали пальцы – синдром чужой руки.

– И нет ни одного шанса, что пропавшие просто объявятся сами по себе? – спросил главный редактор. – Целые и невредимые, пусть и не в лучшем состоянии?

– Почему же, – сказал Халениус, – это, естественно, одна из возможностей. Поскольку нам неизвестно ничего о мужчинах у шлагбаума или их мотивах, такой сценарий остается открытым.

Халениус поднялся и встал рядом с Анникой у окна.

– Со стороны государственной канцелярии, – продолжил он, – мы будем держать тебя в курсе всей информации, которая придет к нам из Брюсселя, Найроби или от властей других государств, затронутых случившимся. Мы говорим о Великобритании, Румынии, Франции, Германии, Испании и Дании. И в зависимости от этой информации будем решать, как нам действовать дальше. Ты можешь рассчитывать на нашу поддержку при любом развитии собы-

тий. У меня есть адрес твоей электронной почты, я перешлю тебе отчет секретарши и личные данные делегатов, как только мы все проверим и уточним. Есть телефон, по которому я смогу добраться до тебя?

Она колебалась несколько секунд, потом сунула руку в свою большую сумку и достала мобильник газеты.

– Этот, – сказала она, включила аппарат и ввела свой пин-код.

Шюман встал у нее за спиной, и двое мужчин по имени Ханс последовали его примеру.

– Мы исследовали срок давности для тяжкого нарушения неприкосновенности женщины, – сказал статс-секретарь тихо. – Сделали это здесь в министерстве в 2007 году, как раз по причине заданного тобой вопроса. И наши эксперты пришли к выводу, что данное преступление не является «непрерывным», а состоит из различных отдельных деяний. В результате сроки давности необходимо разделять, все иное неприемлемо. Иначе возникает угроза для правовой определенности.

Анника развернулась и посмотрела на него. Значит, он услышал ее вопрос.

– Кое-кто из прокуроров по-прежнему называет данный закон политическим, – сказала она. – Ты знал это?

Халениус кивнул.

– А если говорить обо всех других законах? – спросила она. – Они посланы нам свыше?

Анника повернулась и покинула мало напоминавшую атрибут власти комнату.

У себя за спиной она слышала бормотание Андерса Шюмана и статс-секретаря. И точно знала, о чем они говорили. Как долго удастся держать общественность в неведении? Пока какая-нибудь группа не возьмет на себя ответственность за произошедшее, но не дольше. Слишком много стран затронуто, слишком много организаций. Когда он сможет опубликовать? Кто должен высказаться?

Она спустилась на лифте вниз, не ожидая Шюмана.

###

Хижина состояла из одной комнаты, и в ней отсутствовали окна. Внутри все было черным от сажи. Посередине земляного пола находилась печка, которая использовалась для приготовления пищи, а также играла роль источника тепла и света, но в данный момент просто занимала место. Благодаря дыре в крыше, куда обычно уходил дым, внутри было хоть чуточку светло, и мы могли видеть размытые контуры тел друг друга. Нам снова связали руки за спиной. Но теперь также разули.

И было очень тесно.

Я лежал лицом к промежности испанца Алваро. Ему пришлось справить нужду в штаны, точно как и всем нам. И от смрада резало глаза.

У датчанина Пера явно начались проблемы с дыханием. Он не жаловался, но его шумные вдохи эхом отдавались в темноте. Немка храпела.

Мы находились в деревне, окруженной стеной из колючих веток и кустарников, она называлась *маниаттой*. И при лунном свете я успел насчитать восемь одинаковых построек, прежде чем нас запихнули в одну из них. Никаких других людей, кроме наших надзирателей, я, однако, не увидел. И никаких коров или коз тоже. По-моему, я поспал какое-то время утром.

Воздух был совершенно неподвижен. Стояла ужасная жара. Судя по квадратному отверстию для дыма, солнце приближалось к зениту. Соленный пот застилал мне глаза, их щипало от него, но, по сравнению с остальным, это особенно не мешало.

Мы получили еду. *Угали*, кукурузную кашу, главное блюдо в Восточной Африке. Я съел все слишком быстро, и у меня ужасно заболел живот.

Но это не помешало мне смотреть на будущее с оптимизмом. Скоро все должно было закончиться. Так Длинный уверял нас на своем ломаном суахили. Мы только ждали *Кионгози Уюмлу*, поскольку он сам явно не имел полномочий распорядиться о нашем освобождении. Решения подобного типа принимал лишь великий лидер, и подобное мы, конечно, могли понять. Если у тебя нет мандата, ничего не поделаешь, это ведь знали мы все.

Даже Себастьян выглядел довольным. И прекратил требовать, чтобы ему обработали рану на голове от удара прикладом.

Анника улыбалась мне в полумраке, я даже смог почувствовать запах ее шампуня для волос.

Наши похитители, собственно, не желали нам ничего плохого. Они, конечно, использовали нас как добычу в некой злой игре, но все равно были людьми, точно как мы. И знали очень хорошо, что мы довольно влиятельные граждане в наших уважаемых странах, и у нас есть дети и семьи. Они поступили так, пытаясь привлечь внимание к их делу, но потом собирались нас выпустить. Так Длинный объяснял множество раз.

А не сдержи они слово, это бы дорого им обошлось. Все полицейские силы Кении и Сомали наверняка уже охотились за ними, и Евросоюза тоже.

Я попытался повернуть голову, чтобы отдалиться от источника зловония.

Скоро я снова должен был оказаться дома с Анникой и с детьми.

Их дом на Агнегатан вычистили и покрасили за те годы, пока они находились в Вашингтоне. В результате непонятный грязно-коричневый фасад сегодня был настолько ужасно светлым, ярко-белым с зеленоватым оттенком, что даже в такую облачную погоду Аннике пришлось зажмуриться, когда она посмотрела на него.

Андерс Шюман отправил ее домой после встречи в Розенбаде. И честно говоря, Аннику это очень устроило.

Она набрала код на двери подъезда и поднялась по лестнице. А войдя в квартиру, сразу же сбросила с себя верхнюю одежду на пол перед дверью, прошла в гостиную с сумкой и распаковала свой компьютер на придиванном столике, потом отправилась на кухню поставить чайник и, дожидаясь, когда он закипит, посетила туалет. Пока мыла руки, ей на глаза попало висевшее рядом с умывальником полотенце Томаса, он единственный в семье пожелал иметь собственное.

Анника вытерла им руки.

Затем принесла новый рулон туалетной бумаги с антресолей в спальне детей, подключила к линии стационарный телефон, заварила себе растворимый кофе в чашке с надписью «White House» и проверила свою электронную почту.

Никакого отчета англичанки, наверняка блондинки приятной наружности, Халениус ей не прислал.

Она уставилась на экран компьютера, судорожно обхватив колено руками. И по какой-то причине увидела перед собой полную женщину с первой страницы «Квельспрессен».

Вероятно, произошло ужасное недоразумение.

Возможно, люди у шлагбаума приняли группу с конференции ЕС за каких-то других людей, пожалуй за американцев, например агентов ЦРУ, и, обнаружив свою ошибку, они сразу же отвезут Томаса и остальных в аэропорт в этот город, Либой. Томас возьмет пиво в баре и, воспользовавшись случаем, прикупит всего понемногу в такс-фри, духи ей и несколько полукилограммовых упаковок с конфетами детям, он придет домой усталый и грязный и будет жаловаться на сервис и качество еды в аэропорту...

Анника проверила свою почту снова.

Ничего. Никакой англичанки.

Ей стало интересно, успел ли Томас переспать с этой женщиной.

Она поднялась от компьютера и пошла в комнату детей. Калле застелил свою постель, в отличие от Эллен.

Главное – сын и дочь находились при ней. Она попробовала жить без них и чуть не сошла с ума. Год, когда Томас жил с Софией Гренборг и дети были с Анникой только каждую вторую неделю, выдался по-настоящему кошмарным. Кому-то подобное дается легче, даже большинству, многие наверняка считали такое положение вещей практичным и даже удобным, но только не она.

Анника села на постель среди подушек Эллен.

Она действительно приложила максимум усилий для этого.

Когда они с Томасом снова сошлись и переехали в США, старалась в полной мере удовлетворить его потребности в еде и сексе. Мастурбировала, будучи одна, в качестве тренировки, чтобы развить у себя желание снова, купила кулинарные книги с мексиканскими и азиатскими блюдами, ссылаясь на разницу в часовых поясах, увликая от требующего слишком много времени задания выпускающего редактора новостей, а взамен готовила печенье с шоколадными шариками для благотворительной школьной ярмарки.

И все равно она знала, что у него есть другие женщины, не кто-то особенный, а те, кого он мог завалить в койку не напрягаясь. По ее мнению, у Томаса было слишком много достоинств. Он выглядел как викинг – белые волосы, голубые глаза и широкие плечи. Легко заражался смехом и умел слушать, интересовался практически всеми видами спорта, начиная от боулинга и заканчивая хоккеем с мячом, и прекрасно вписывался в любые интерьеры.

Конференции, вроде этой в Найроби, оставались его главными охотничьими угодьями. Работа на правительство не делала его шансы хуже. Задание по линии «Фронтекс», как уже сказано, не отличалось особой гламурностью, поэтому он говорил, что занимается анализом международной безопасности. И это в какой-то мере соответствовало истине.

Анника не поддавалась искушению застелить постель Эллен, вернулась к оставленному на придиванном столике компьютеру и с помощью Google попробовала узнать как можно больше о «Фронтексе».

Надо признать, раньше ее абсолютно не интересовало новое задание мужа. Она знала, что он будет ездить на междуна родные конференции несколько раз в год, и довольствовалась этим. О самой организации ей было очень мало известно.

Одной из первых ей попала на глаза заметка из ее собственной газеты.

За охрану европейских границ уже в течение пары лет отвечал шведский комиссар ЕС, в результате чего ряд заданий по исследованию данного вопроса попал в Швецию.

Именно так, помимо прочего, на письменный стол Томаса.

На официальной домашней странице организации она прочитала, что кое-какие работы в этом направлении уже начались: самолеты и корабли патрулировали воды к северу от итальянского острова Лампедуза с целью остановить поток нелегальных иммигрантов из неспокойных регионов Северной Африки в Европу. Если верить шведскому комиссару ЕС, «Фронтекс» находился там для «спасения жизней», и, вполне возможно, так все и обстояло. Беженцы, достигавшие побережья Италии и Испании, стали столь обычным делом сегодня, что абсолютно никого не волновали. Средства массовой информации больше не реагировали на них даже крошечными заметками в средиземноморских странах, не говоря уже о Скандинавии. Дело могло зайти столь далеко, что шведские туристы просто спотыкались бы о трупы на тамошних пляжах, причем не получая компенсации от турбюро.

Ее электронная почта дала о себе знать, и там, в сообщении от Халениуса, лежал рапорт от наверняка приятной маленькой англичанки. Он был на английском и достаточно короткий и описывал ситуацию в пограничном городе.

Пункт перехода из Сомали в Кению, по большому счету, не охранялся. Вывеска перед полицейским участком в Либое с текстом «Republic of Kenya, Department of Immigration, Liboi Border Control» уведомляла о том, что в здании находилась таможня. Никакого персонала на границе не было и никаких предназначенных для него помещений тоже.

В настоящее время свыше четырехсот тысяч человек, большинство сомалийцы, жили в лагере беженцев в соседнем городе Дадааб.

Анника подняла глаза от компьютера. Где она слышала это название? Вроде дело касалось засухи на Африканском Роге.

Она вошла в Google Maps, написала в поисковик «либой, кения» и сразу же попала на золотисто-коричневую спутниковую картинку выжженной солнцем почвы. Либой, как оказалось, находился в центре большого пустого пространства и по величине не превышал булавочную головку. Желтая дорога под названием Garissa Road A3 проходила через всю карту. Она кликнула снаружи от изображения, увеличивая его. Дадааб явно располагался на юго-западе, потом Гарисса, океан и Найроби. Кения находилась точно на экваторе в окружении Сомали, Эфиопии, Судана, Уганды и Танзании, боже, какая компания. Она уставилась на спутниковую картинку, не веря своим глазам. Сколько людей жило во всех этих странах, и она абсолютно ничего о них не знала.

Где-то в квартире зазвонил телефон. Она оторвала взгляд от дисплея, вскочила и сразу не смогла понять, откуда исходит звук. Потом догадалась, что это домашний аппарат, по нему обычно никто не звонил, кроме ее матери, а такой контакт, по большому счету, ничего не значил. Она подбежала к двери в комнату детей и сняла трубку.

Это был Джимми Халениус.

– Анника, – сказал он. – С нами связались двое из группы, которая держит в плену Томаса и остальных членов делегации.

Она опустила на пол гостиную, и во рту у нее сразу пересохло.

– Что они говорят?

– Я не хотел бы обсуждать это по телефону...

Она встала и заорала в трубку:

– Я хочу знать, что они сказали!

Статс-секретарь, похоже, сделал вдох.

– О'кей, – сдался он, – информацию такого типа обычно не передают по телефону, но хорошо... первое сообщение перехватили англичане. Некий человек на любительской видеозаписи говорит на киньяруанда, что организация «Фикх Джихад» захватила семь делегатов ЕС в качестве заложников. В остальном послание состоит из политических и религиозных лозунгов.

– Что ты сказал? На киньяр, что?..

– Язык банту, на нем говорят в Восточной Африке, прежде всего в Руанде. В сообщении, собственно, лишь то, о чем мы уже подозревали, что их увезла какая-то организация.

Анника села на пол снова, окинула взглядом комнату, маленькие лампы в окне, плед, который Томас получил в качестве рождественского подарка от своей матери, диски видеоигр Калле.

– Значит, политика, – сказала она. – Политическое похищение. Ты же сам говорил, что такой вариант хуже.

– Да, политика, – согласился Халениус. – Но здесь, пожалуй, не все столь однозначно. Также позвонили на домашний телефон Алваро Рибейро. Его друг ответил и получил короткое и четкое послание на восточноафриканском английском, что Алваро похищен и будет выпущен в обмен на выкуп в сорок миллионов долларов.

У Анники перехватило дыхание.

– Сорок миллионов долларов – это же... сколько? В кронах? Четверть миллиарда?

– Больше.

У нее снова задрожали руки.

– О боже, нет...

– Анника, – сказал Халениус, – успокойся.

– Четверть миллиарда?!

– Судя по всему, за данным похищением стоят разные пожелания, – продолжил Халениус. – Во-первых, политический мотив, если верить видео, и, во-вторых, требование о выкупе, указывающее на обычное *kidnap for ransom*⁴. И ты права, последнее предпочтительней.

– Но четверть миллиарда? У кого есть такие деньги? У меня их нет...

Kidnap for ransom?

Эти слова ассоциировались с чем-то для нее, но с чем конкретно?

Она прижала свою дрожащую ладонь ко лбу и покопалась в памяти.

Написанная ею статья, страховая фирма, которую она посетила в первый год своей работы корреспондентом в штате Нью-Йорк, они специализировались на K&R Insurances: *Kidnap and Ransom Insurances*...

– Страховка! – крикнула она в трубку. – Она же само собой есть у вас в министерстве! За счет нее можно выплатить выкуп, и все закончится!

Она даже рассмеялась, до того у нее стало легко на душе.

– Нет, – сказал Халениус. – У шведского правительства нет ничего подобного. Это принципиальная позиция.

Анника перестала смеяться.

– Страховки подобного типа – кратковременное и опасное решение. Они увеличивают риски и вздувают сумму выкупа. Кроме того, шведское правительство не ведет переговоров с террористами.

Она почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Ее руки шарили наобум в воздухе, пока она не вцепилась в дверной косяк.

– Но а я тогда? – сказала она. – Что мне делать? Как все будет сейчас? А вдруг они позвонят мне тоже, по этому телефону?

– Нас бы такое развитие событий устроило в качестве первого шага.

Она почувствовала, что ее охватывает паника, дыхание участилось, и все поплыло перед глазами. Голос статс-секретаря приходил откуда-то издалека.

– Анника, нам необходимо поговорить о твоей ситуации. Я знаю, ты не хочешь, чтобы я приходил к тебе домой, но, по-моему, это было бы самым простым решением для тебя как раз сейчас.

Она назвала ему код двери в подъезд.

Француз начал свои жалобы снова. Он непрерывно орал на наших охранников и требовал от Катерины переводить все на суахили, и она делала это приглушенным голосом и потупив взгляд. Сейчас он скандалил не только по поводу раны на голове, но и из-за тех антисанитарных условий, в которых мы содержались. Никто из нас не смог нормально сходить в туалет с тех пор, как мы попали к ним в руки более двух суток назад. Из-за мочи и кала наша кожа прела и чесалась, а наша одежда окаменела.

Немка плакала.

Я заметил, как росли раздражение и неуверенность охранников. Они нервничали каждый раз, открывая деревянную дверь хижины, объясняли быстро и сердито, что у них нет права выпустить нас. Нам приходилось ждать *Кионгози Уюмлу*, лидера, генерала, и мы не знали, идет

⁴ Похищение с целью получения денег (англ.).

ли речь об одном и том же человеке или о двух разных, но только они (или он) могли принять решение о пленниках, если верить им. (А мы были пленниками, *вафунгва*.)

Услышав, как к хижине подъехал дизельный автомобиль, я испытал облегчение. Француз замолчал и обратился в слух, точно как и мы все. Снаружи до нас доносились голоса.

Солнце уже садилось. Внутри было почти темно.

По нашим ощущениям, прошло довольно много времени, прежде чем дверь открылась снова.

– Это совершенно неприемлемо! – заорал француз. – Вы обращаетесь с нами как с животными! Неужели у вас нет ни грамма человечности?

Черный силуэт низкого и коренастого мужчины заполнил дверной проем. У него были маленький тюрбан на голове, рубашка с короткими рукавами, широкие брюки и массивные ботинки.

И высокий, как у юнца, голос.

– *You no like?*⁵ – спросил он.

Француз (я перестал называть его по имени, деперсонифицировал, как бы отгородился от него) ответил, что ему *c'est vrai*⁶ не нравится наше положение.

Коротышка крикнул охранникам что-то непонятное для нас. Когда он повернулся, я увидел висевший у него на спине на шнурке большой кривой, как сабля, нож: мачете.

Сильнейший страх, причину которого я не мог понять, захватил меня в свои объятия. Все наши охранники тоже ходили с оружием, поэтому вовсе не полуметровый тесак вызвал мою реакцию, а нечто иное в этом крепко сложенном мужчине. Пожалуй, в его движениях или леденящем душу голосе. Вероятно, он и был *Кионгози Уюмла*, генерал.

Два охранника вошли в хижину – там было темно и тесно, и они фактически шли по нам – приблизились к французу, взяли его за ноги и под руки и поволокли на улицу. Немка вскрикнула, когда Длинный наступил ей на живот и чуть не потерял равновесие, утонув в ее мягкой плоти. Они вытащили француза через дверь, оставив ее открытой, впервые позволив нам беспрепятственно смотреть наружу. Свежий воздух устремился внутрь, и мои легкие наполнились кислородом и пылью. Я заморгал от яркого света, а перед моими глазами предстало красное, золотистое и светло-желтое небо, поразив меня своей красотой.

Они поставили француза у нас на виду, его ноги сразу же покрылись превратившейся в пыль землей. Дверной проем был настолько низким, что мы видели его тело лишь до плеч, пусть сами лежали. Коротышка встал перед ним в свете сумерек.

– *No like?* – спросил он снова.

Француз задрожал, либо от страха, либо от того, что ему стоило большого труда стоять после долгого лежания. Его ноги и руки по-прежнему были связаны пластмассовыми ремешками, и он странно покачивался.

– Это преступление против peregrinского права! – начал он снова дрожащим голосом. – Вы нарушаете международные законы и правила.

Генерал стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– *You say?*⁷

Катерина, лежавшая слева от меня, плотнее прижалась ко мне.

– Я член парламента ЕС, – сказал француз, – и требую, чтобы вы сразу же развязали и освободили меня.

– *EU? Work for EU?*⁸

⁵ Вам не нравится? (*англ.*)

⁶ Действительно (*фр.*).

⁷ Вот как? (*англ.*)

⁸ ЕС? Работаешь на ЕС? (*англ.*)

Коротышка улыбнулся широкой и холодной улыбкой.

– *You hear?*⁹ – сказал он, повернувшись к нам. – *Work for EU?*

С удивительной, если принять в расчет его телосложение, легкостью он протянул руку назад и, маховым движением развернув свое мачете над головой, направил его в живот француза.

Катерина вскрикнула и спрятала лицо у меня под мышкой, я страстно желал последовать ее примеру, но не сделал этого и смотрел широко открытыми глазами, как наш коллега сложился, словно спиленная сосна, издав шипящий звук, как будто воздух вышел из него. Я никогда нигде не слышал ничего подобного.

Быстро стемнело, словно тяжелый бархатный занавес опустили перед нами.

Анника стояла у окна в гостиной и смотрела на серое небо. Она чувствовала абсолютную пустоту внутри, словно от нее осталась одна оболочка, и пыталась каким-то образом вернуться к действительности. Одна часть ее по-прежнему считала все произошедшее ужасным недоразумением, порожденным плохой связью там, в Африке. Томас скоро должен был позвонить ей на мобильный и посетовать на то, что самолет не улетел вовремя. Другая же ее половина переживала по поводу ерунды вроде того, что ей придется оказаться наедине с Джимми Халениусом снова, как ей объяснить все матери Томаса и кто напишет о смерти мамы маленького мальчика в Аксельберге.

Джимми Халениус находился на пути к ней. Пожалуй, у нее зудело в животе из-за фотографии перед рестораном «Ярнет», сделанной несколько лет назад. Тогда она поужинала со статс-секретарем с целью получения информации, а когда они покидали заведение и Халениус на прощание поцеловал ее в щеку, проходивший мимо парень сфотографировал их. Вскоре Боссе из «Конкурента» позвонил ей и представил снимок, и она испугалась. Сама же прекрасно знала, что бывает, если средства массовой информации вцепляются в кого-то когтями, какая травля может начаться.

Или, пожалуй, она чувствовала себя не в своей тарелке из-за самого ужина. Карпаччо из оленины и антрекот для него и икра уклейки и оленья рагу для нее. Ей вечер запомнился как преступное деяние, время незаметно пролетело за разговором. О Роланде Ларссоне, например, ее однокласснике на протяжении всех лет, пока она ходила в школу в Хеллефорснесе, и кузене Халениуса. Бедняга сох по ней все годы учебы. Она хорошо помнила, что именно Халениус поведал тогда о них обоих: «Мы обычно лежали на чердаке на сеновале у бабушки в Вингокере летними вечерами, и Ролле часами рассказывал о тебе. У него была старая вырезка из газеты, где тебя сфотографировали с несколькими другими, хотя он сложил ее так, что только ты осталась на виду. И он хранил ее в бумажнике, постоянно...»

Она помнила даже, где вырос Джимми Халениус: на третьем этаже многоквартирного дома в Норчёпинге. Его отец был коммунистом. Он сам состоял в «Красной молодежи» подростком, но потом переметнулся к молодым социал-демократам из-за более веселых праздников и более красивых девушек.

Она пошла на кухню, налила себе стакан воды из-под крана, выпила половину и вылила остальное.

Они болтали о своих разводах. Халениус без обиняков поведал, как ужасно жилось с ним. Он мог начать мировую войну из-за сущей мелочи, но никогда не выставлял никаких требований при расставании.

Анника обвинила в собственном разводе Софию Гренборг, новую сожительницу Томаса.

И Халениус, не поднимая глаз от своего куска мяса, сказал:

⁹ Вы слышите? (англ.).

– А разве вам с Томасом не удалось разрушить вашу семью исключительно собственными руками?

Она выронила вилку, настолько слова Халениуса шокировали ее. Уже собралась встать и уйти, когда поняла их правоту.

Анника была совершенно невыносима в качестве жены. Так, например, не рассказала Томасу, что ей известно о его отношениях с Софией Гренборг, просто мстила ему месяцами, не объясняя причины. Томас, конечно, ничего не понимал. И в конце концов, естественно, ушел, оставив ее.

Или, пожалуй, ее беспокойство имело отношение к их самой первой с Халениусом встрече, когда она и Томас еще жили на вилле в Юрскольме?

– У тебя же был старый «вольво», не так ли? – спросил Джимми Халениус тогда. – Сто сорок четвертой модели, темно-синий, ужасно ржавый?

Анника все еще помнила, как волна крови пробежала через все ее тело и достигла лица – откуда он мог знать? Она по-прежнему находилась под впечатлением того случая, он же был статс-секретарем министерства юстиции, самым близким к министру человеком.

Она ответила, что у ее парня была такая машина и она продала «вольво» для него.

– Ну, ты молодец, – сказал тогда Халениус, – похоже, здорово умеешь сбывать автомо-били. Никто не понимает, как тебе удалось получить пять тысяч за эту гору металлолома.

Она закрыла глаза и вспомнила свой ответ.

Свен не мог продать ее сам, поскольку умер.

Когда он позвонил в дверь, она вздрогнула как от удара. Пospешила в прихожую и открыла, одновременно заметив, какой у нее беспорядок. Джимми Халениус переступил порог и сразу же споткнулся о ее ботинки. Анника включила свет, убрала волосы со лба, пнула свою уличную обувь в направлении двери в ванную и подняла с пола куртку.

– А где Двойной Хассе? – спросила она.

– Они не захотели уезжать от печенюшек, – ответил Халениус и поставил свой уродливый портфель на пол. – Тебе никто не звонил?

Она повернулась к нему спиной, повесила куртку на крючок и покачала головой.

– Дети дома?

– Они придут около пяти. В это время я обычно возвращаюсь с работы. Они же не знают, что я дома.

– Ты не рассказала?

Анника обернулась и посмотрела на статс-секретаря. Он снял куртку и потянулся за вешалкой, значит, относился к тем, кто использовал вешалки для уличной одежды. Анника не верила в это.

Она покачала головой снова.

Он стоял перед ней, и сейчас до нее дошло, насколько он маленький. Всего на дециметр выше ее самой, а Томас обычно называл ее пигмеем.

– Хорошо, что ты ничего пока не сказала, но тебе придется рассказать. Информация появится в средствах массовой информации сегодня вечером или, самое позднее, рано утром, а они должны услышать это от тебя.

Анника на несколько секунд закрыла глаза руками. Ее ладони пахли солью. Голос звучал глухо, когда она заговорила.

– Что я должна сказать? – спросила она. – Их папа пленник в Африке?

Она убрала руки от лица. Халениус стоял на том же месте.

– Да, – ответил он. – Не вдавайся в подробности, не рассказывай никаких деталей о том, где они исчезли, как давно, кто стоит за этим. Можешь сказать, что некая группа людей захватила их в плен. Именно так говорит мужчина на видео, а его покажут по телевидению.

– Повтори, что он сказал?

– Что «Фикх Джихад» взял семь делегатов ЕС в заложники с целью наказать западный мир за его декадентство, примерно так. И еще немного о том, что Аллах велик.

– «Фикх Джихад»?

– Никто ничего не знает об этой группе, согласно полученным к настоящему времени данным. «Фикх» – мусульманская доктрина о правилах поведения, толкование Корана и все такое. «Джихад», конечно, известное тебе понятие.

– Священная война.

– Да, или просто «борьба» или «стремление», но здесь, по нашему мнению, оба слова используются не в буквальном смысле. Они имеют некое символическое значение. Есть пара вопросов, которые я хотел бы прояснить с тобой как можно быстрее. Может, мы пройдем в комнату и сядем?

Анника почувствовала, как у нее покраснели щеки – она действительно была плохой хозяйкой.

– Да, конечно, само собой. – И Анника показала рукой в сторону гостиной. – Хочешь кофе или чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Он посмотрел на свои наручные часы.

– Домой испанцу позвонили час и десять минут назад. А как раз перед уходом с работы я узнал, что с близкими француза тоже связались. Вышли на мобильный его супруги.

Он сказал «с работы», а не «из министерства».

– У нас не особенно много времени. Тебе могут позвонить когда угодно.

Комната закачалась у нее перед глазами. Она скосилась на свой мобильный телефон и сглотнула комок в горле.

– Что они сказали жене француза?

Она была настолько шокирована, что не поняла размер выкупа. И к сожалению, во время разговора сделала одну крупную ошибку. Помимо прочего, пообещала заплатить все сразу, независимо от суммы.

Халениус сел в кресло Томаса.

– Разве это плохо? – спросила Анника. – Выражать желание к сотрудничеству?

Она опустила в кресло. Не знала, что ей делать с руками.

Халениус наклонился к ней и перехватил ее взгляд.

– У нас нет никакого опыта по части похищений, – сказал он, – но мы побывали у парней из ФБР, и они учили нас, как вести себя в ситуациях с заложниками. Ханс и Ханс Эрик, собственно, имеют самый большой опыт, если говорить о подобных случаях, но мы не знали, добрались ли они до тебя. Поэтому меня попросили поговорить с тобой.

Анника внезапно почувствовала, что замерзает, подтянула колени к подбородку и обхватила ноги руками.

– Мы по-прежнему не совсем уверены, о похищении какого типа идет речь, – продолжил Халениус, – но если все это бизнес, а не политика, события обычно развиваются по особому шаблону. Возможно, нас ждут долгие переговоры о выкупе. Ты говоришь по-английски?

Анника закашлялась.

– Ну да...

– Где ты разговаривала главным образом? Ездила куда-то по студенческому обмену, работала за границей, приобрела какой-то особый акцент?

– Корреспондент в Нью-Йорке, – сообщила она.

– Естественно, – сказал Халениус.

Он же видел, что Томас выполнял исследовательское задание в шведском посольстве в течение этих лет.

– Говорить на языке похитителей ужасно важно для того, кто ведет переговоры при похищении, – продолжил он, – и лучше также на их диалекте. Любое недопонимание может стать роковым. У тебя дома есть какое-нибудь записывающее оборудование?

Она опустила ноги на пол.

– Для чего? Для телефона?

– Я ничего не нашел в министерстве в такой спешке...

Анника по-прежнему сидела, втянув голову в плечи и вдавив подошвы в паркет.

– Итак, я должна оставаться дома в моей гостиной и болтать по телефону с похитителями? Такой, значит, план?

– У тебя есть предложение лучше?

Не она послала Томаса в Найроби, не она заставила его лететь в Либой, но все последствия достались ей.

Анника поднялась.

– У меня есть магнитофон для телефонных интервью, хотя обычно я не использую его: уходит много времени на прослушивание всех файлов, поэтому я предпочитаю записывать.

Анника пошла в спальню, порылась на верхней полке в бельеовом шкафу и нашла цифровой диктофон, далеко не последней модели, который подключался к телефону и напрямую к компьютеру через USB-порт.

Халениус присвистнул и поднялся.

– Послушай, он явно немолод. Где ты нашла его? В историческом музее?

– Ужасно смешно, – огрызнулась Анника, подтащила к себе компьютер и подключила к нему свое устройство. – Сейчас остается присоединить его к обычному телефону или мобильнику – и все готово.

– Ты хочешь сама общаться, когда позвонят?

Анника посмотрела на свой компьютер. Еще крепче вцепилась в спинку кресла.

– А ты уверен, что они позвонят?

– Иначе мы останемся не у дел. Единственный шанс – вести переговоры, и кто-то должен это делать.

Анника смахнула волосы с лица.

– О чем мне стоит заранее подумать?

– Запиши разговор, делай пометки для себя, фиксируй все специфические требования, инструкции и комментарии. Покажи, что ты очень серьезно относишься к ситуации. Попытайся создать некий код, который сможешь использовать при следующем контакте с целью убедиться, что общаешься с тем же человеком. Это крайне важно. И попытайся добиться определенного времени для следующего разговора. Но ты не должна ничего обещать, ни в коем случае не говори о деньгах и не угрожай, не вступай в конфронтацию, не будь подозрительной и нервной, и никаких слез...

Анника села.

– Что они скажут?

– Тот, кто позвонит, будет давить и угрожать. Он – чаще всего в такой роли выступают мужчины – потребует фантастическую сумму, которую надо будет передать в очень узкие временные рамки. Цель – заставить тебя выйти из равновесия и согласиться на требование, от которого ты позднее не сможешь отступить.

– Как эта французская женщина, – констатировала Анника. – Какова альтернатива? Ты возьмешь разговор на себя? Сам занимался подобным раньше? Прошел курсы в ФБР?

Халениус посмотрел на нее:

– Я могу сделать это, или Ханс, или Ханс Эрик...

В то самое мгновение входная дверь открылась, и Калле с Эллен ввалились в прихожую.

Халениус кивнул ей: «Сделай это».

Анника поймала в свои объятия сразу их обоих, целовала и обнимала, щеки у детей были красные и холодные, как замороженные яблоки. Она сняла с них куртки и шарфы, спросила Эллен, где ее варежки, и получила в ответ «нету», а потом терла холодные пальцы детей и согревала своим дыханием.

– Еда будет после детской передачи, но сначала я хотела бы кое о чем с вами поговорить.

Уголкем глаза она видела, как Джимми Халениус подсоединил домашний аппарат к ее магнитофону. Он стоял в гостиной с ним, телефоном и компьютером Анники в руках и широко улыбался детям. Верхняя пуговица его зеленой рубашки была расстегнута, а волосы торчали во все стороны.

– Привет, – сказал он. – Меня зовут Джимми, и я работаю с вашим папой.

Калле замер и подозрительно уставился на статс-секретаря.

– Джимми здесь, чтобы помочь нам, – объяснила Анника и села на корточки. – В общем...

– Извини, если я перебиваю тебя, Анника, можно поговорить откуда-то, чтобы нам не мешали?

Она показала в направлении своей с Томасом комнаты.

– Там есть телефонная розетка под письменным столом, – уточнила она и повернулась к детям снова.

Эллен крутила в руке косичку и плотнее прижалась к ней, но Калле неподвижно стоял в дверях прихожей.

– Что с папой? – спросил он.

Анника попыталась улыбнуться.

– Он стал пленником в Африке, – ответила она.

Эллен развернулась в ее объятиях и посмотрела вопросительно:

– В замке?

Калле ошарашенно уставился на мать.

– Я не знаю, милая, – ответила Анника. – Мне сообщили только сейчас, после обеда. Какие-то люди в Африке взяли папу и нескольких его коллег по конференции в плен.

– Он приедет домой в понедельник? – спросила Эллен.

– Мы не знаем, – сказала Анника и поцеловала дочь в макушку. – Мы ничего не знаем, дорогая. Но Джимми с папиной работы здесь, чтобы помочь нам.

– А другие как же тогда? – поинтересовалась Эллен. – Другие пленники? Их не выпускают?

– Вряд ли тоже. Калле, подойди сюда...

Она потянулась к сыну, но он уклонился и пробежал мимо нее в свою комнату. С шумом захлопнув дверь.

Зазвонил телефон.

– Я отвечу! – крикнула Эллен и хотела вырваться из объятий матери.

– Нет! – заорала Анника громко и отчаянно и железной хваткой вцепилась в руку девочки выше локтя.

От боли и удивления слезы заблестели на глазах малышки.

Телефон зазвонил снова. Анника услышала, как дверь спальни закрылась.

– Нет, – сказала она уже почти спокойным, нормальным тоном и отпустила руку дочери. – Может, это звонят папины тюремщики. Ты и Калле не должны отвечать по телефону какое-то время, это должны делать взрослые.

Девочка потерла рукой полные слез обиженные глаза.

– Ты сделала мне больно.

Звонок прозвучал в третий раз. Трубку подняли посередине сигнала.

Анника сглотнула комок в горле и погладила ребенка по волосам.

– Извини, я не специально. Но ужасно важно, чтобы ты не отвечала на телефонные звонки, тебе это понятно?

– Но я могу поговорить с тюремщиками, – стояла на своем Эллен. – И объяснить им, что они дураки, а папа должен вернуться домой.

– Нет, – отрезала Анника. – Только взрослые должны разговаривать с ними, понимаешь ты это?

Нижняя губа девочки задрожала. Анника вздохнула незаметно. Ее настроение стало только хуже.

Халениус вышел в гостиную снова.

Анника поднялась, пол закачался у нее под ногами.

– Что они сказали? – выдавила она из себя.

– Это была женщина по имени Анна Снапхане. Она интересовалась, нет ли новостей от Томаса.

От облегчения Анника обмякла.

– Извини, – сказала она. – Мне просто необходимо было кому-то позвонить.

– Ты разговаривала с кем-то еще?

Он спросил деловым тоном, не особо сердито.

Анника покачала головой.

– Что у тебя за мобильный?

Она показала на придиванный столик, где рядом лежали оба ее телефона.

Халениус присвистнул и взял ее личный аппарат.

– Последний живой экземпляр, – сказал он. – На его фоне твое подслушивающее устройство выглядит почти современным. Впечатляет.

– Не издевайся над моим «эрикссоном», – проворчала Анника и забрала у него старый телефон.

Ей подарили новый супермобильник, когда она вернулась домой после работы специальным корреспондентом, который, судя по энтузиазму коллег, мог танцевать степ, гладить белье и прыгать в длину. Она совсем в нем не разбиралась. Возможно, он функционировал невообразимо хорошо, если кто-то хотел создавать коммерческие радиохиты или снимать лесные пожары, но в качестве телефона оказался совершенно безнадёжным. Аннике почти никогда не удавалось отвечать на входящие звонки, поскольку она всегда умудрялась прикоснуться к экрану не в том месте и соединения не получалось, а отправка эсмэс стала таким сложным и кропотливым делом, что занимала половину утра. Тайком Анника заботилась о своем настолько античном «эрикссоне», что он все еще назывался именно так, а не «сони», но было хлопотным держать заряженными два мобильника, и она надеялась, что айфон скоро сломается. Хотя и считала такой сценарий маловероятным, во всяком случае, если верить всей бесплатной рекламе, которую ее собственная газета создавала, восторгаясь новыми аппаратами.

Халениус взял со стола суперсовременную модель.

– И на какой обычно звонит Томас?

– На мой личный.

– Не на рабочий?

– По-моему, у него нет его номера.

Халениус кивнул довольно:

– Замечательно. Тогда нам известно, что на этот телефон они не позвонят.

Он возвратился в спальню и закрыл дверь за собой.

Би-би-си выложила новость о пропавшей группе представителей ЕС на своей домашней странице за несколько минут до 18.00 местного времени. Рейтер вышло с коротким и общим сообщением на ту же тему примерно пять минут спустя. Ни те ни другие не уточнили ни имена

похищенных делегатов, ни их национальную принадлежность, сообщили только, что пропавшие принимали участие в конференции по безопасности в Найроби. Руководство редакции «Квельспрессен» сидело на совещании по итогам дня, что, возможно, объясняло, почему сенсация коллег сначала прошла мимо них. Впрочем, Шюману было лучше знать.

Никого не волновали новости из Африки. Этот континент выглядел черной дырой на карте новостей, за исключением тех случаев, когда речь шла о голоде, пиратах, СПИДе, гражданских войнах и безумных диктаторах, а подобным «Квельспрессен» не занималась.

Если, конечно, в беду не попадал какой-то швед. Или скандинав, вроде норвежцев, которых приговорили к смерти в Конго, например, или датской семьи, чью яхту захватили пираты.

Андерс Шюман нашел это сообщение, поскольку после встречи активно искал его. Он не стал рассказывать об исчезновении Томаса, хотел посмотреть, какой окажется международная реакция. Агентство Рейтер написало, что группа под названием «Фикх Джихад» взяла в заложники семь европейских делегатов и обнародовала не имеющее конкретного адресата политическое послание в связи с данным похищением.

Оно было на киньяруанда, и его выложили на сервере столицы Сомали Могадишо. В качестве источника они ссылались на Би-би-си, там находилась ссылка на любительскую видеозапись с заявлением похитителей.

Андерс Шюман кликнул по ней и затаил дыхание.

Темнокожий мужчина в простой военной одежде и с тюрбаном на голове выступал на экране компьютера. На непонятном темно-красном фоне. Он выглядел лет на тридцать и смотрел в какую-то точку слева от камеры, вероятно чтобы читать свое обращение вслух. К удовольствию Шюмана, Би-би-си снабдила речь незнакомца английскими субтитрами (его киньяруанда оставлял желать лучшего).

Мужчина говорил медленно и четко. Его голос был по-особому высоким и чистым.

«Фикх Джихад» взял в заложники семь делегатов ЕС в качестве наказания за зло и высокомерие западного мира. Несмотря на все оружие и ресурсы, имеющиеся в распоряжении ЕС, исламскому льву удалось похитить неверных собак. Наши требования простые: открыть границы в сторону Европы. Поделить мировые ресурсы. Отменить покровительственные пошлины. Свободу Африке! Смерть европейским капиталистам! Аллах велик!»

На том видео заканчивалось. Тридцать восемь секунд, включая трясущиеся кадры вступления и завершающую картинку.

«Да, хорошего мало, – подумал Андерс Шюман и пошел к выпускающему редактору новостей.

Телефон не звонил.

Он не звонил, не звонил и не звонил.

Анника ходила кругами по комнате и кусала ногти, пока у нее не заболели десны.

Шюман прислал письмо по электронной почте и рассказал, что Рейтер и Би-би-си вышли с новостью о похищении без имен и национальной принадлежности захваченных делегатов. О том, что шведский представитель оказался в заложниках, «Квельспрессен» собиралась эксклюзивно поведать завтра.

Патрик прислал эсэмэс и поинтересовался, нет ли у нее желания присоединиться и поплакаться в бумажной версии. Лучше с фотографией ее и детей в окружении игрушек и со слезами на глазах, в качестве заголовка предлагалось «ПАПА В ПЛЕНУ У ПОВСТАНЦЕВ» или «ПАПА, ПРИЕЗЖАЙ ДОМОЙ!». Она ответила: «Спасибо, но нет».

Берит тоже воспользовалась имейлом и спросила, не может ли она чем-то помочь, чем угодно, достаточно лишь сказать.

Анника время от времени поглядывала в направлении спальни. Джимми Халениус исчез там со своим портфелем, пока они с детьми ели биточки с макаронами и кетчупом. Они нахо-

дились каждый со своей стороны стены, он занимался освобождением заложников, а она кормила сына и дочь.

Ей не сиделось на месте. Разобрался ли он со своей задачей?

Анника сделала круг по кухне, слышала, как Халениус по соседству разговаривает по телефону.

После ужина она убрала со стола, вытерла его и подмела пол. Тихо шумела посудомоечная машина. Дети надели пижамы и почистили зубы.

Анника пошла в детскую комнату и предложила:

– Поиграем?

Лицо Калле просветлело.

– В «Монополию»!

– Это займет слишком много времени, а уже поздно. Домино? Эллен, будешь с нами?

Калле достал коробку с костяшками, сел на пол и методично разложил их, одну к одной, вверх и вниз.

– Надо взять по пять, так?

– По пять каждому, – подтвердила Анника.

Она смотрела на детей, как они возились с костяшками, расставляли перед собой. У них получалось справляться без Томаса. Все могло каким-то образом продолжаться.

– Давай ты тоже, мама, – сказал Калле.

Анника опустила на пол, отобрала себе пять костяшек и поставила их на торец перед собой.

– У меня «дубль пять», – сообщил Калле.

– Тогда ты, конечно, ходишь, – сказала Анника.

Калле выложил свою костяшку, а Эллен подставила свою.

Анника чуть не расплакалась.

– Теперь ты, мама...

Она сделала ход и услышала, как дети простонали.

– Ты неправильно кладешь, мама...

Игра казалась бесконечной.

А телефон не звонил, не звонил и не звонил.

Джимми Халениус вышел в гостиную и встал перед телевизором.

– Могу я посмотреть «Актуэльт»?

– Конечно, – кивнула Анника.

– Как долго он будет там? – прошептал Калле и зло взглянул на статс-секретаря.

– Я не знаю, – прошептала Анника в ответ. – Все зависит от того, что скажут тюремщики, если они позвонят когда-нибудь.

– Почему ты не можешь поговорить с ними сама? – спросил мальчик.

Анника протянула руки и прижала его к себе, и сейчас он фактически ей подчинился. Свернулся в клубок в ее объятиях и засунул руку ей в волосы.

– Я не осмеливаюсь, – прошептала она. – Боюсь их. Джимми разговаривал с множеством всевозможных злодеев раньше, он гораздо лучше разбирается в этом, чем я.

Калле посмотрел на нее с новым выражением во взгляде: взрослые, значит, тоже могли испытывать страх, как маленькие.

– Сейчас вам надо спать, – сказала Анника, – а завтра пятница. Вы не хотели бы поехать и навестить ту или другую бабушку в выходные?

Калле ткнулся лицом ей в плечо.

– Скучно, – пробормотал он.

– С Щёрвеном весело, – возразила Эллен.

Щёрен был толстым кокер-спаниелем Дорис.

«Мое любимое солнышко, – подумала Анника. – Ты всегда найдешь повод для оптимизма».

– Я поговорю с бабушками сегодня, – сказала она, – и спрошу, не сможете ли вы погостить у них.

– Вы будете разговаривать о папе?

– О папе завтра все появится в газете, – сказала Анника, – поэтому лучше, конечно, если я расскажу им это сегодня.

– Иначе они шлепнутся в обморок, – ляпнул Калле, и Анника рассмеялась и хохотала по-настоящему и искренне.

Она притянула мальчика еще ближе к себе и вдыхала его запах.

– Ну, ты скажешь, – отсмеявшись, проворчала она. – Шлепнутся в обморок! Давайте-ка быстро по кроватям!

И детям оказалось достаточно забраться под одеяло, чтобы через несколько секунд они уже спали.

Анника выключила лампу у них на окне, вышла в гостиную и осторожно закрыла за собой дверь.

– Им очень спокойно с тобой, – заметил Джимми Халениус.

– Я знаю их слишком долго, – сказала Анника и опустилась на диван рядом с ним. – «Актуэльт» в курсе.

– Нет, – ответил Халениус. – По-твоему, они читали телеграмму Рейтер?

Она пожала плечами.

– От новостных агентств приходит несколько тысяч сообщений каждый день. Большинство совершенно неинтересны почти для всех, но они всегда важны для кого-то.

Она посмотрела на него.

– Насколько обычны такие похищения?

Халениус выпрямился и потер глаза.

– На этот счет нет никакой надежной статистики. Они происходят главным образом в странах со слабой полицией, где практически не действует судебная система и царит коррупция. В Африке это наиболее распространено в Нигерии и Сомали, эти страны входят в десятку мировых лидеров по данной части. У тебя нет бутерброда или чего-нибудь перекусить?

Анника почувствовала, как кровь прилила к лицу, и торопливо поднялась.

– Извини, ты же голоден, будешь макароны с биточками? Разогретые в микроволновке?

Ей пришлось спросить. Томас не ел подобного, если только биточки не готовили вручную из лосиного фарша, а макароны не были приправлены трюфелями.

Анника пошла на кухню и открыла холодильник, достала пластиковую емкость, выложила из нее остатки ужина на фарфоровую тарелку и поставила ее в микроволновку. Потом набрала время на дисплее, трех минут должно хватить, нажала пуск. Устройство заработало.

Она пошла к мойке и вымыла банку, которую брала с собой на работу почти каждый день.

Закрытие дополнительных входов в редакцию означало, что никто больше не ел в «Семи крысах», считалось слишком долгим идти вокруг. Коробки с едой пришли на смену.

Она поставила банку на место.

Ей действительно не хватало «Семи крыс», купонов на еду и шведского стола с салатами, кофейного аппарата в углу и пыльных маленьких печенюшек рядом с пакетом с сахаром. Проблема с коробками состояла в том, что многие забывали о них, отправлялись на работу или шли в кабак и оставляли их в холодильнике навечно. В конце концов их содержимое невозможно было распознать.

Она наклонилась к двери кладовки и дала себе обещание.

Когда все закончится и Томас вернется домой, она начнет ходить в «Семь крыс» снова. Но больше никаких коробок.

Микроволновка пикнула три раза. Анника порезала помидор на куски в качестве украшения.

А телефон все не звонил, не звонил и не звонил.

– Не «Подвальчик оперы», конечно, – сказала она и поместила тарелку, столовые приборы и стакан с водой из-под крана перед статс-секретарем на придиванный столик.

– Мать Томаса еще жива, не так ли? – спросил Халениус, набивая макаронами рот. Он явно был голоден.

– Дорис, – сказала Анника. – Ну да.

– Ты должна позвонить ей.

– Да, – ответила Анника. – Или, пожалуй, тебе стоит сделать это.

Он отпил немного водопроводной воды.

– Почему?

– Она не в восторге от меня. Тебе нужна салфетка?

– Нет, и так нормально. И почему же?

Аника пожала плечами.

– Томас ведь был раньше женат на директорше банка. Я не столь хороша. Она считает, что ее сын мог найти кого-то получше. Холгер, брат Томаса, подыскал себе врача.

– А внуки?

Аника посмотрела на закрытую дверь спальни.

– У Холгера и его мужа Сверкера есть дочь по имени Виктория. Она живет у них вместе с подругами, лесбийской парой. Дорис просто обожает Викторию. Как тебе биточки?

– Немного холодные внутри. Твой отец ведь умер, верно?

Аника остолбенела. Ингвар, ее отец, был профсоюзным боссом на заводе в Хеллефорснесе, чем очень гордился, но это нисколько не помогло, когда в конце восьмидесятых данная деятельность стала невыгодной. Он начал давать волю языку и вылетел с работы вместе с сотней других, и в результате его страсть к алкоголю зашла слишком далеко. Он замерз насмерть в сугробе у дороги на Гранхед, перед развилкой на Таллхёбадет, когда Аннике было восемнадцать.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

Статс-секретарь с аппетитом жевал.

– Ролле, – сказал он и отодвинул в сторону тарелку. – У тебя есть ее номер? Ну, Дорис Самуэльссон?

– Он в телефонной книге под именем «Динозавр», – сказала Анника, протянула свой рабочий мобильник и вышла с тарелкой на кухню. Она была чистой, несмотря на отсутствие трюфелей в макаронах. Из гостиной до нее донеслись звуки нажатия на дисплей супертелефона.

– Госпожа Дорис Самуэльссон? Да, добрый вечер, меня зовут Джимми Халениус, я – статс-секретарь министерства юстиции... Да, именно, шеф Томаса... Извините, что я звоню так поздно, но у меня печальное сообщение...

Аника стояла около микроволновки и сжимала в руках мочалку для мытья посуды все время, пока Халениус говорил. После этого ее руки приобрели неприятный запах, и ей пришлось воспользоваться моющими средствами, чтобы избавиться от него.

– Наверное, она восприняла случившееся не лучшим образом? – спросила Анника и поставила тарелку с шоколадным пирожным на придиванный столик.

– Не особенно. Сама приготовила?

Почему его голос звучал так удивленно?

– А малина и сливки?

– Сейчас.

Она взбила сливки и разморозила ягоды в микроволновке и поставила все туда же на столик, а потом села на диван.

– Тебе тоже надо позвонить матери, не так ли?

– Будет очень странно, если она узнает все из средств массовой информации.

Анника сделала глубокий вдох, взяла свой рабочий телефон и набрала номер из детства.

Он никогда не менялся.

Она слышала удары собственного сердца, заглушавшие все иные звуки, пока ждала.

– Мама? Это Анника. Как ты себя чувствуешь?

Ответ утонул в шуме ее собственного пульса. Она услышала что-то об ишиасе и выплатах из страховой кассы, которые не переводили вовремя.

– Мама, – перебила она, – у нас неприятности. Томас исчез в Африке.

На другом конце линии воцарилась тишина.

– Как исчез? – спросила мама. – Смылся куда-то с какой-то негритянкой?

Сейчас она поняла по голосу, что мать не совсем трезва.

– Нет, мама, его похитили. Нам пока еще неизвестно, насколько все серьезно, но я подумала, ты должна знать...

– Похитили? Как того миллионера? И почему же? У вас же нет денег!

Анника зажмурилась и положила руку на глаза. Она не представляла, кого мать имела в виду.

– Мама, – сказала Анника, – не могли бы дети побыть у тебя в выходные? Я не знаю, сколько времени это займет, но я буду занята в ближайшие дни...

Женщина на другом конце линии пробормотала что-то в трубку.

– Это очень помогло бы...

– Похитили?

– Вместе с шестью другими делегатами конференции по безопасности в Найроби. Насколько мы знаем, он не ранен. У тебя есть возможность позаботиться о Калле и Эллен? Только в один из этих дней, пожалуй...

– Ничего не выйдет, – сказала мать. – У меня Дестини.

Анника моргнула.

– Что?..

– Биргитта подрабатывает в «Ретт Прис» по выходным. Мне приходится опекать Де-эстини.

У Барбры началась пьяная икота. А годовалую дочь сестры явно звали Дестини, бедная маленькая девочка.

– Но, – сказала Анника, – у Биргитты ведь есть муж? Разве Стивен не в состоянии позаботиться о собственном ребенке?

Мать уронила что-то на пол. Кто-то выругался на заднем плане. У нее, пожалуй, появился новый мужчина.

– Послушай, – буркнула мать в трубку, – мне н-надо идти. И потом ты должна извиниться перед Биргиттой.

– Конечно, мама, – сказала она. – Пока.

Анника закончила разговор и опустила мобильный телефон. В ее глазах стояли слезы.

– Наверное, очень стыдно, когда мама не любит тебя? – спросила она сдавленным голосом.

– Да, – сказал Халениус. – И особенно когда тебя не любят родные дети.

Анника рассмеялась.

– А это не сцена из какого-то фильма?

Халениус улыбнулся.

– Ну да, – сказал он, – со Свеном Бертилем Таубе в главной роли.
А через секунду зазвонил телефон.

Они вытащили нас наружу, и начали с меня.

Было совершенно темно. Даже луна не светила. Нигде не горел костер. Они волокли меня под руки и за ноги, точно так же, как француза, и если раньше я пребывал в полной неизвестности относительно моих перспектив на будущее, то сейчас к этому добавился пугающий оттенок. Я чуть не потерял сознание от страха, и по той же причине мой желудок расслабился настолько, что остатки его содержимого с шумом вырвались наружу. Мне показалось или я в самом деле видел, как лезвия ножей блеснули в темноте? Нет, наверное, зрение все же не обмануло меня, поскольку пластиковый ремешок перестал давить на мои ноги, кто-то стащил с меня брюки и вылил мне в промежность ведро воды. Холодной, но она все равно как огнем обожгла мою израненную кожу. Однако я не закричал, ведь это было не разрешено, *no allowed*, так сказал Кионгози Уюмла, и любые разговоры, кстати, также. Онемевшие, мы лежали вплотную друг к другу, и только шумное дыхание датчанина слышалось в темноте.

Температура ночью быстро упала. И вскоре наши зубы выбивали барабанную дробь.

Один из охранников, я не видел, кто именно, протянул мне кусок клетчатой материи, и я накрутил его на себя вместо брюк. Рубашку мне удалось сохранить. Ту, которую я выбирал с особой тщательностью утром перед тем, как мы полетели в Либой, светло-розовую с легким блеском. Ее еще очень не любит Анника, по ее словам, она из гардероба педиков. «Ты не мог бы не надевать сегодня свою гейскую рубашку?» – с улыбкой говорит она обычно. Потом мне пришлось идти в другой конец *маниатты*, и меня закрыли в другой хижине, гораздо меньшей по размерам, и пахло там совсем иначе. В ней явно никогда не было никакого очага. Когда я касался плоских стен, звук получался резкий и металлический. И отсутствовала дыра в потолке.

Они связали мне ноги снова. И вероятно, я отключился на время, поскольку, когда очнулся снова, рядом со мной лежали датчанин Пер, и румын, имени которого я не знал, и испанец Алваро. Они отделили от нас женщин.

Пер по-прежнему тяжело дышал.

Теперь нас, мужчин, осталось четверо.

– Сорок миллионов долларов, их надо заплатить в Найроби завтра рано утром, – сказал Джимми Халениус и сел в кресло перед Анникой.

Она закрыла лицо руками.

– Это вовсе не катастрофа, – продолжил статс-секретарь. – Мы хотели иметь контакт, сейчас он у нас есть.

Он говорил спокойно, деловым тоном.

Анника опустила руки и попыталась восстановить дыхание.

– Та же самая сумма, как и у испанца.

– Я объяснил, что семье неоткуда взять такие большие деньги, и уж тем более в столь короткий срок. Мужчина говорил без ошибок, на восточноафриканском английском. Высшее образование, я бы сказал. Требования были абсолютно неприемлемые, и он это знал. Я спросил, как чувствует себя Томас, но парень не ответил...

Анника подняла на него глаза.

– Кем ты представился?

– Коллегой и другом семьи.

– Не работодателем?

– Формально шведское правительство не участвует в этом.

Анника смотрела в окно. Ночное небо было красным из-за огней городской иллюминации со своеобразным оттенком, который придавал ему загрязненный воздух.

– Что еще он сказал?

Халениус с сомнением посмотрел на нее.

– Томас умрет, если выкуп не будет доставлен завтра до десяти ноль-ноль местного времени. Послушаешь запись?

Она покачала головой.

Он взял ее за руку.

– На это уйдет какое-то время. Большинство историй с похищением обычно продолжаются от шести до шестидесяти дней. Возможно, тебе придется заплатить за его освобождение.

Анника высвободила руку.

– И полиция не может ничего сделать? – спросила она.

– У Интерпола в Брюсселе есть формат JIT, Joint Investigation Team¹⁰, они соберут и подытожат информацию обо всех случаях и передадут ее дальше во все заинтересованные инстанции. Государственная криминальная полиция направляет двух человек в Найроби для координации действий с местными властями, они будут работать через шведское посольство. Наше министерство выделяет Ханса и Ханса Эрика.

Анника кивнула, знала, что шведская полиция не может официально действовать в другой стране.

– А кенийская полиция?

Халениус сидел молча несколько мгновений.

– Кенийская полиция известна своими изнасилованиями и своей коррупцией. Я был там на Рождество несколько лет назад, и тогда, по их информации, они собирались провести облаву с целью изъятия незаконно находящегося у населения оружия на северо-западе Кении. И из всей той части страны сразу как ветром сдуло женщин и детей. Просто полиция обычно насилует всех, кто попадает им под руку при рейдах такого типа. Это приводит к ужасным проблемам, поскольку многие стражи порядка больны СПИДом, и, когда женщина оказывается изнасилованной, от нее отказывается собственный муж. Если мы сами выйдем на контакт и привлечем кенийскую полицию, очень велик риск, что они потребуют часть суммы выкупа. Тогда все получится опаснее и дороже...

Анника замахала рукой:

– Никакой кенийской полиции. А сомалийская?

– В Сомали фактически нет правительства и государственного управления начиная с 1991 года. Там имеется структура под названием Somali Police Force, но я не знаю, осуществляют ли они какую-то деятельность.

Анника потеряла руки о колени.

– Мы поговорим с парой других организаций тоже, – продолжил Халениус, – но тебе необходимо оценить свои возможности. Мы можем оказаться в ситуации, когда ты будешь вынуждена заплатить выкуп. У тебя есть какие-то средства?

Она посмотрела в сторону комнаты детей.

– Страховые деньги от виллы в Юрскольме.

Им все выплатили наконец почти через два года после пожара. Чуть больше шести миллионов крон лежали на счете в Хандельсбанке, это ведь едва ли миллион долларов. У нее имелись целых две сотни тысяч на другом счете, деньги, которые ей удалось сэкономить за год в США.

– Преступники дадут о себе знать самое раннее только завтра вечером. Но если нет возражений, я приду снова, как только проснусь. Необходимо кое-что приготовить.

¹⁰ Сводная следственная группа (англ.).

– А тебе разве не надо заниматься работой? – спросила Анника.

– Ну да, – сказал он. – Именно это я и делаю.

Вешалка загремела, когда он снял свою куртку. Анника тяжело поднялась с дивана и встала в двери в прихожую. Халениус выглядел усталым. Его шевелюра казалась еще более редкой, чем она представляла себе.

– А что именно надо приготовить?

Он почесал голову так, что каштановые пряди волос встали торчком.

– Здесь все в принципе зависит от твоего желания, захочешь ты сама делать остальное или получать помощь от нас.

Анника почувствовала, как на нее нахлынула волна паники.

– Не сама, – сказала она.

Халениус кивнул.

– Нам надо организовать некий центр, где мы сможем работать, с оборудованием и всем необходимым...

– Спальня подойдет?

– Нам понадобится вести журнал всего происходящего. Распределить роли, например, я переговорщик, а на тебе будет логистика. Твоей задачей в таком случае станет смотреть, чтобы техника работала, а у нас были еда и кофе и мобильные телефоны заряжены. Так годится?

Анника даже выпрямилась от удивления, сейчас за две десятых секунды она превратилась из переговорщика в кухарку.

– Если на твой домашний телефон позвонят в мое отсутствие, ты сначала должна включить запись и только потом отвечать, – предупредил он. – Если это будут похитители, не говори, что ты жена Томаса. Назовись нянькой и объясни, что все вышли на время. Потом сразу же перезвони мне. У тебя есть все номера в моем имейле.

– Помнишь, что я сказала тебе, когда мы встретились в первый раз? – спросила она. – Самое первое предложение?

Джимми Халениус застегнул молнию на куртке и сунул портфель под мышку, а потом, тщательно натягивая перчатки, ответил.

– «Я думала, что только мелкие преступники носят имена с окончанием на «и», – процитировал он. – Так ты сказала. И «почему нет никаких беглых убийц по имени Стиг Бьёрн?».

Он одарил ее торопливой улыбкой, открыл входную дверь и ушел.

День 3 Пятница 25 ноября

ШВЕДСКИЙ ОТЕЦ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ ТОМАС В ПЛЕНУ В КЕНИИ

Андерс Шюман протер очки рукавом рубашки и изучил первую страницу придирчивым и по возможности объективным взглядом.

Она получилась одной из лучших за весь год. Не только из-за того, что они единственные поведали сенсационную новость, но также и потому, что Томас Самуэльссон просто шикарно выглядел на фотографии. Блондин, красавец, спортивный, благородной наружности и улыбающийся, из тех, какими хотят быть все шведские мужчины, мечта любой женщины.

Конечно, заголовок чуточку не соответствовал истине. Чада Томаса и Анники ходили в школу и вряд ли могли считаться крохами, и никто, собственно, не знал, в какой стране сам Самуэльссон находился, однако составители анонсов предпочитали равные по длине строчки, а Сомали не помещалось, нижний ряд выходил слишком длинным. Хотя это уже были детали, уж точно не способные вызвать порицания со стороны парламентского уполномоченного по вопросам печати. Опять же заголовок чуточку противоречил грамматике, но на подобные языковые нюансы даже Шведская академия сегодня закрывала глаза.

Тексты в газете в основном вышли из-под пера Хеландера, ветерана, одновременно являвшегося шефом криминальной редакции, редактором выпуска, корреспондентом в США и редактором интернет-версии. Он принадлежал к когорте журналистов, идеально приспособившихся к новому времени, и мог сделать крошечный телевизионный сюжет при помощи камеры мобильного с таким энтузиазмом, словно писал о мировой проблеме. Дополнительные материалы к самой главной истории (подборку фактов, резюме, общий фон и прочее, что хорошо соотносилось с новостями) приготовила «вечерняя» команда выпускающего редактора, и, прежде всего, Элин Мичник, талантливая девочка, которая явно состояла в родстве с Адамом Мичником, главным редактором *Gazeta Wyborcza*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.